

Елена К.

**«Когда
гаснет свет»**

Елена К.

«Когда гаснет свет»

«Автор»

2026

К. Е.

«Когда гаснет свет» / Е. К. — «Автор», 2026

«Он переписывает реальность — и питается вашим страхом» В заброшенном технокомплексе время течёт вспять, стены дышат, а тени обретают форму. Группа отчаявшихся людей — учёная Люда, прагматик Астахов, растерянный Сулацкий и циничный Ворон, знающий цену тьме, — пытается вырваться из ловушки, где каждое сомнение становится оружием против них. К ним присоединяются те, кто давно научился не смотреть на монстров: практик Глеб и расчётливая Марина. В отчаянной попытке обезвредить главный узел герои бросают вызов, самой структуре реальности — и побеждают, но знают: враг не уничтожен, он лишь затаился. Этот мрачный технотриллер сплетает холодную логику научной фантастики с первобытным ужасом в, гипнотической атмосферой и нигилистическим шармом. Готовы ли вы не смотреть в бездну — чтобы она не посмотрела на вас?

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава о совпадениях	5
Глава 1. «Первый шаг в тишину»	6
Глава 2. «Коридоры, которые не помнят»	9
Глава 3. «Запах нового пластика и сырости»	12
Глава 4. «Карта комплекса»	14
Глава 5. «Первый сбой»	16
Глава 6. «Знакомство с Сулацким»	18
Глава 7. «Лифт, который знает больше тебя»	20
Глава 8. «Холод из вентиляции»	22
Глава 10. «Дверь, которая открывается в никуда»	24
Глава 10. «Телефон теряет сеть и ловит странные частоты»	26
Глава 11. «Тень, которая не совпадает с источником света»	29
Глава 12. «Запись странного звука»	32
Глава 13. «Свет гаснет по расписанию»	35
Глава 14. «Сулацкий объясняет про плановые отключения»	38
Глава 15. «Предупреждение»	40
Глава 16. «Архив управляющей компании»	42
Глава 17. «Список жильцов, которых нет»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

«Когда гаснет свет»

Глава о совпадениях

Слушай, я клянусь: все совпадения в этой книге — чистая случайность. Абсолютно. Сто процентов.

Ну, то есть... конечно, тот факт, что главный узел комплекса пульсирует ровно в такт твоему сердцебиению, когда ты читаешь эту строчку, — это просто статистическая погрешность. Не более. Просто цифры так легли.

И то, что ты сейчас сидишь в полутёмной комнате, а где-то в углу что-то тихо щёлкнуло... тоже совпадение. Наверное, кот. Или сквозняк. Точно не тень, которая пытается принять форму по мотивам главы 58.

А если вдруг показалось, что страницы чуть холоднее, чем должны быть, — так это из-за кондиционера. Или из-за того, что реальность иногда слегка проседает по краям. Но это не страшно. Совсем.

В общем, не переживай: ни один сюжетный поворот не подстраивался специально под тебя. Никто не знал, что ты откроешь именно эту страницу именно в эту секунду. Это просто... ну... стечение обстоятельств. Очень плотное. И подозрительно ритмичное. Но совершенно безобидное.

Так что можешь спокойно читать дальше. Ничего не произойдёт. Честно.

А если что-то всё-таки произойдёт — это тоже совпадение. И мы оба сделаем вид, что ничего не заметили.)))

Глава 1. «Первый шаг в тишину»

Город засыпал неохотно — как человек, который знает, что ему предстоит дурной сон, и потому тянет время, цепляясь за каждый лишний миг бодрствования. Фонари на проспекте гасли не разом, а по очереди, будто кто-то щёлкал выключателями вручную, проверяя, заметит ли кто-нибудь эту странную, нарочитую последовательность.

Люда шла по тротуару, сжимая в кармане ключи так, что зубцы впивались в ладонь. Это была её маленькая привычка: чувствовать боль, чтобы не потерять связь с реальностью. Сегодня эта связь казалась особенно хрупкой.

Она должна была просто зайти, забрать документы, поставить подпись и уйти. Обычная командировка, обычный объект, обычный день. Так ей сказали в управлении: «Ничего сложного. Рутинка». Но стоило ей свернуть во двор, как город будто выдохнул и стал другим. Здесь не было ни прохожих, ни собак, ни даже кошек, которые обычно сидели на подоконниках и смотрели на мир с усталым презрением. Только ветер, который шевелил обрывок газеты так, будто хотел что-то ей сказать, да тень от фонаря, которая лежала на асфальте слишком ровно, слишком неподвижно — словно её нарисовали, а не отбрасывал столб.

Комплекс стоял в глубине двора — серое здание без вывески, без таблички, без намёка на то, что внутри кто-то есть. Оно не выглядело заброшенным: окна были целыми, двери — новыми, асфальт у входа — свежим, будто его положили неделю назад. Но от этого становилось только страшнее. Здание не выглядело мёртвым. Оно выглядело... насторожённым. Как хищник, который притворяется неподвижным, чтобы жертва подошла ближе.

Охранник на входе был таким же, как и само здание, — слишком правильным. Ни усталости, ни раздражения, ни обычного ворчания про «пропуска, документы, распишитесь». Он просто смотрел на неё, не моргая, и кивал, будто она была частью какого-то давно составленного расписания.

— Проходите, — тихо сказал он, не поднимая голоса, будто боялся нарушить тишину, которая висела здесь, как плотный туман. — Вас ждут.

И Люда прошла. Не потому что хотела, а потому что остановиться сейчас означало признать, что она боится. А она не могла себе этого позволить.

Коридор внутри был узким, с низким потолком, будто здание специально сжимало пространство, чтобы человек чувствовал себя маленьким и незначительным. Светильники горели не ярко, а тускло, экономно, как будто электричество здесь было роскошью, которую выдавали строго по норме. И в этом свете стены казались не бетонными, а живыми — будто под штукатуркой что-то шевелилось.

На стене висел план эвакуации. Люда остановилась, чтобы посмотреть на него, просто чтобы сделать хоть что-то обычное. Но чем дольше она смотрела, тем сильнее её охватывало странное, ледяное чувство: маршруты на схеме не совпадали с тем коридором, по которому она только что прошла. На бумаге коридоры расходились в стороны, образуя сложную сеть, а в реальности она шла по прямой, без развилок. Как будто план показывал не это здание, а какого-то другого — похожее, но не то.

Рация у охранника тихо пискнула, когда она проходила мимо поста. На маленьком дисплее мелькнула надпись, которую Люда успела заметить лишь краем глаза: «Протокол: первичная интеграция. Статус: активен».

«Первичная интеграция». Как будто её появление здесь было не визитом сотрудницы, а запуском какого-то процесса. Как будто само здание только что признало её присутствие и начало подстраиваться под неё.

Из труб донёлся первый звук — не гул, не скрип, а чёткий, ритмичный стук: туктуктук... пауза... тук. Будто где-то внутри здания билось сердце. И оно билось в такт её шагам.

Люда остановилась, прислушиваясь. Стук не прекратился. Он не был случайным. Он не был фоном. Он был... ответом.

В этот момент дверь в конце коридора медленно, почти незаметно, сдвинулась. Не распахнулась, не закрипела, а просто изменила своё положение на долю миллиметра — так, будто кто-то или что-то проверяло, заметит ли она.

Она заметила.

И в ту же секунду поняла: она здесь не для того, чтобы забрать документы. Она здесь, потому что здание захотело, чтобы она пришла.

Астахов ждал её в небольшом помещении, похожем на бывшую диспетчерскую: стол, пара стульев, шкаф с папками, на стене — часы, стрелки которых застыли на 02:17. Он не встал, чтобы её встретить, не протянул руку для рукопожатия. Он просто сидел и смотрел на неё так, будто знал о ней больше, чем она сама.

— Вы опоздали на три минуты, — спокойно сказал он, хотя на часах было ровно то время, на которое была назначена встреча.

— Я шла без задержек, — хрипло ответила Люда, чувствуя, как голос чуть дрогнул.

— Здесь задержки не во времени, — так же спокойно произнёс Астахов. — Здесь задержки в пространстве. Иногда путь от двери до комнаты становится длиннее, даже если ты идёшь прямо.

Он подвинул к ней папку. На обложке не было названия, только короткий код из цифр и букв.

— Это не просто документы, — тихо, но твёрдо сказал он. — Это инструкция. Не для людей. Для тех, кто пытается остаться собой внутри комплекса.

Люда открыла папку. На первой странице была короткая фраза, напечатанная крупным шрифтом: «Не доверяйте тому, что выглядит привычным». Ниже шли схемы, отчёты, фотографии — но не обычные, а такие, будто их делали в другом свете, в другой реальности: углы на снимках были чуть смещены, тени лежали не туда, куда должны были падать, а лица людей казались... не до конца настоящими. Как маски, которые ещё не успели плотно прилечь к коже.

— Что это за место? — прошептала Люда, хотя знала, что не хочет слышать ответ.

Астахов чуть наклонил голову, будто прислушивался не к её словам, а к чему-то за стеной.

— Это узел, — глухо произнёс он. — Точка, где реальность может меняться. Не часто. Не для всех. Но если ты сюда попал, если ты здесь задержался... здание начинает проверять, насколько крепко ты держишь свою версию мира.

В этот момент вентиляция тихо вздохнула, и в воздухе на секунду появился странный запах — не пыли, не металла, не старого бетона, а чего-то холодного, стерильного, будто запах из комнаты, где никогда не жили люди.

— Оно уже начало, — спокойно сказал Астахов, глядя не на неё, а на дверь, будто ждал, что кто-то войдёт. Или что-то. — Комплекс. Он не злой. Он не добрый. Он просто... настойчивый. И он не любит, когда кто-то пытается уйти, не узнав его правил.

Люда закрыла папку, но не убрала её. Она держала её перед собой, как щит.

— Какие правила? — спросила она, и на этот раз голос прозвучал твёрже.

— Первое, — тихо произнёс Астахов. — Не ищи логики там, где её не должно быть. Второе. Не верь своим глазам, если они видят одно и то же дважды. Третье. Если услышишь ритм в трубах — остановись и подумай, почему он совпадает с твоим пульсом.

Из труб снова донёлся стук: туктуктук... пауза... тук.

Теперь Люда поняла: он действительно совпадал. С её пульсом. С каждым ударом сердца комплекс будто подтверждал: «Я знаю, где ты. Я слышу, как ты боишься. И я буду рядом».

Астахов поднялся, не спеша, будто каждое движение здесь стоило усилий.

— Пойдём, — спокойно сказал он. — Я покажу тебе то, что нельзя показывать новичкам. Но ты уже не новичок. Ты уже здесь. А значит, ты уже в игре.

Они вышли в коридор, и дверь за ними тихо, почти нежно, щёлкнула, будто здание закрывало ловушку.

Люда оглянулась на мгновение. И увидела в стекле небольшого окошка своё отражение — на долю секунды раньше, чем она повернула голову.

Оно смотрело на неё. И знало что-то, чего не знала она.

Глава 2. «Коридоры, которые не помнят»

Коридор, в который они вышли из диспетчерской, будто принадлежал другому зданию. Люда успела запомнить маршрут: три поворота, один длинный прямой участок, дверь с табличкой «Склад 3». Но теперь перед ней тянулся бесконечный, монотонный проход, где не было ни третьего поворота, ни таблички, ни даже той ниши у стены, в которой раньше стоял ящик с огнетушителем.

— Это не тот коридор, — хрипло прошептала Люда, хотя понимала, что говорить это вслух почти бессмысленно: если комплекс не хочет, чтобы маршруты совпадали, никакие слова не заставят стены встать на прежние места.

Астахов не остановился. Он шёл вперёд, не глядя по сторонам, будто знал: смотреть — значит поддаться, позволить коридору начать играть с твоим восприятием.

— Здесь нет «того» коридора, — спокойно, но глухо произнёс он. — Здесь есть только коридоры, которые комплекс считает нужными прямо сейчас. Он не ломает стены. Он стирает память о них.

Люда сжала папку, которую всё ещё держала перед собой, как щит. Бумага чуть хрустнула, и этот простой, человеческий звук на секунду вернул ей ощущение реальности.

— Стирает... чью память? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нашу, — коротко ответил Астахов. — Или делает так, что мы не можем её удержать. Ты помнишь, где был третий поворот?

— Да, — твёрдо сказала Люда. И тут же засомневалась: образ поворота мелькнул в голове, но как будто сквозь мутное стекло — она помнила, что он был, но не могла вспомнить, налево или направо.

— Вот именно, — процедил Астахов. — Ты помнишь факт. Но не можешь удержать детали. А детали — это якоря. Без них ты начинаешь верить в то, что видишь прямо сейчас. И тогда коридор становится для тебя единственным правильным маршрутом.

Из труб донёсся знакомый ритм: туктуктук... пауза... тук. Он звучал чуть громче, будто комплекс хотел, чтобы Люда не просто слышала его, а чувствовала, как он вторгается в её внутреннее время.

Рация на поясе Астахова тихо пискнула. На дисплее появилась надпись: «Протокол: когнитивная коррекция. Статус: активен».

«Когнитивная коррекция». Как будто стирать из памяти повороты, ниши и таблички было для системы не сбоем, а штатной функцией — вроде автоматической подстройки восприятия под нужный уровень «покорности» пространства.

Они дошли до развилки — двух одинаковых коридоров, расходящихся под одинаковым углом. Ни знаков, ни номеров, ни даже различий в освещении. Только одинаковые серые стены, одинаковый кафель, одинаковая тишина, которая теперь казалась не отсутствием звуков, а их тщательным отбором.

— Почему здесь две одинаковые ветки? — прошептала Люда.

— Потому что выбор — это тоже ловушка, — спокойно сказал Астахов. — Если ты выбираешь, ты берёшь ответственность за последствия. А если ты не можешь выбрать, потому что они одинаковые, ты теряешь контроль. И в обоих случаях ты становишься уязвимее.

Он не пошёл ни по одной из веток. Вместо этого он присел на корточки у стыка плитки, достал из кармана маленький кусок мела и быстро, уверенно провёл короткую линию поперёк обоих коридоров — так, чтобы она пересекала оба пути сразу.

— Что вы делаете? — выдохнула Люда.

— Оставляю факт, который комплекс не сможет стереть так легко, — глухо произнёс Астахов. — Линия — это не маршрут. Это отрицание выбора. Это заявление: «Я не верю, что эти коридоры разные. Я не верю, что мне нужно выбирать».

В этот момент вентиляция тихо вздохнула, будто проверяя, насколько крепко он держится за эту простую логику. И сразу после этого линия мела на долю секунды будто потемнела, стала глубже, будто пол сам признал её существование и решил сделать её частью своей структуры.

Астахов поднялся, не сводя глаз с линии.

— Видишь? — тихо сказал он. — Он не любит, когда ты отказываешься играть по его правилам. Он реагирует. Значит, мы на верном пути.

Они пошли дальше, и Люда старалась смотреть не на стены, не на повороты, а на собственные ботинки, на швы плитки, на каждую неровность, которую можно было посчитать. Один, два, три, четыре... Пока она считала, реальность держалась. Как только она поднимала взгляд выше, мир начинал скользить, углы чуть смещались, а знакомые ориентиры растворялись в сером фоне.

Вскоре они оказались у двери, которой, по всем расчётам, здесь быть не должно: слишком рано, слишком близко к диспетчерской. На двери не было номера, только узкая щель у косяка, будто её недавно чуть приоткрывали и тут же закрыли, чтобы никто не заметил.

Астахов остановился, положил ладонь на металл, не нажимая на ручку, а просто удерживая контакт.

— Сюда, — тихо, но твёрдо сказал он.

— Но здесь не должно быть двери, — прошептала Люда. — Мы не могли так быстро дойти до склада.

— Мы и не дошли, — спокойно ответил он. — Но комплекс хочет, чтобы мы думали, что дошли. Он подтягивает нужные двери туда, где ты их ожидаешь увидеть. Это экономит ему силы: если ты веришь, что пришёл куда надо, ты меньше сопротивляешься.

Он повернул ручку. Дверь открылась без скрипа — слишком легко, будто её смазывали специально для этого момента. За ней оказалась небольшая комната, заставленная ящиками и коробками. В центре стоял старый стол, на нём — несколько папок и механический таймер, стрелки которого медленно, с тяжёлым щелчком, отсчитывали секунды.

— Это... — начала Люда, но осеклась, потому что в комнате было что-то ещё. Что-то, от чего по коже побежали мурашки.

На стене висела схема. Не план эвакуации, не чертёж, а именно схема — с линиями, узлами, стрелками, которые не обозначали коридоры, а показывали... потоки. Как будто кто-то пытался нарисовать движение воздуха, электричества, теней — всего, что нельзя увидеть обычным взглядом.

Астахов подошёл к схеме, провёл пальцем по одной из линий.

— Это карта аномалий, — глухо произнёс он. — Не здания. А его «живых» зон. Там, где линии сгущаются, — там комплекс сильнее всего. Там он может менять пространство, стирать память, исказить отражения.

Люда шагнула ближе, стараясь не смотреть на узлы, а на простые линии между ними.

— А зачем вы мне это показываете? — хрипло спросила она. — Если это так опасно...

— Потому что знание — это тоже якорь, — спокойно сказал Астахов. — Пока ты понимаешь, что с тобой делают, ты можешь сопротивляться. Пока ты видишь схему, ты знаешь: это не твоя забывчивость. Это его работа. И ты можешь сказать себе: «Я помню. Я знаю, что было раньше».

Рация снова тихо пискнула, и на этот раз надпись была другой: «Протокол: раскрытие данных. Статус: критичен».

«Раскрытие данных». Как будто показывать Люде схему было для системы событием, которое она не могла полностью контролировать. Как будто знание, попавшее в правильные руки, становилось угрозой.

В этот момент таймер на столе щёлкнул и остановился. Стрелки замерли ровно на 02:17 — той же отметке, что и часы в диспетчерской.

Люда почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Опять это время, — прошептала она.

— Оно не случайное, — глухо сказал Астахов. — Это точка, в которую комплекс всегда возвращается. Как будто 02:17 — это его пульс. Его момент равновесия. И если мы хотим что-то изменить, нам придётся действовать вне этого ритма.

Он взял со стола одну из папок и протянул её Люде.

— Здесь отчёты о тех, кто пытался уйти, — спокойно произнёс он. — Тех, кто не понял правил. Тех, кто поверил, что коридоры помнят их шаги. Прочитай. Но не здесь. В месте, где меньше труб, меньше вентиляции, меньше «голоса» комплекса.

Люда взяла папку. Пальцы чуть дрогнули, но она не выпустила её.

— И где такое место? — спросила она, уже догадываясь, что простого ответа не будет.

Астахов чуть наклонил голову, прислушиваясь к тишине, которая здесь звучала иначе, чем в коридоре.

— Его нужно найти, — тихо сказал он. — Или создать. Место, где мы будем говорить только друг с другом. Где не будет ритма труб. Где не будет отражений. Где стены будут просто стенами.

Из труб снова донёсся стук: туктуктук... пауза... тук.

Но на этот раз Люда не вздрогнула. Она просто отметила его, как отмечают погоду за окном: дождь идёт, ветер дует, трубы стучат. Это было не обращение к ней. Это была попытка заставить её поверить, что это — обращение.

— Я поняла, — твёрдо сказала она, крепче прижимая к себе обе папки. — Я не буду искать логику в коридорах. Я буду искать её в том, что не меняется. В нас.

Астахов кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Тогда идём, — спокойно сказал он. — И не смотри на развилки. Не выбирай. Просто иди рядом со мной. Пока мы идём вместе, комплекс не может полностью стереть наш маршрут.

Они вышли из комнаты, и дверь за ними закрылась с тем же тихим, почти нежным щелчком, будто здание прощалось с ними... и ждало, когда они вернуться.

Глава 3. «Запах нового пластика и сырости»

Люда сделала ещё один шаг вглубь квартиры — и вдруг остановилась, будто налетела на невидимую преграду. Воздух здесь был не таким, каким должен быть в новостройке.

Пахло пластиком — свежим, едким, будто панели только что сошли с конвейера. Но поверх этого запаха, как тёмная краска поверх яркой, ложилась сырость. Тяжёлая, густая, будто из подвала поднялась вода и теперь медленно пропитывала стены.

Люда нахмурилась. По проекту перекрытия были сухими, вентиляция — мощной, а влажность — под контролем умного климата. В таких домах не бывает сырости. Не должно быть. Это противоречило самой идее «Северного рубежа»: идеальный микроклимат, идеальная чистота, идеальная жизнь.

— Чувствуете? — тихо спросил Сулацкий, не глядя на неё. Он стоял у дверного проёма, будто не решался зайти дальше, и его пальцы чуть сжимали рацию. — Здесь пахнет не новостройкой. Здесь пахнет тем, что долго стояло закрытым.

— Наверное, недосушенные перекрытия, — Люда произнесла это скорее для себя, чтобы вернуть ощущение контроля. — Или где-то протечка. Сейчас везде экономят на изоляции.

Сулацкий коротко усмехнулся, но в этом смешке не было веселья — только усталость человека, который слишком часто видел, как простые объяснения рассыпаются.

— Протечка оставляет следы. Пятна, разводы, грибок. А тут... тут запах сам по себе. Он не тянется из угла, не идёт снизу. Он просто есть. Как будто дом его выдыхает.

Люда достала небольшой портативный датчик влажности, который всегда носила с собой для репортажей о «умных» домах. Экран мигнул, выдал цифры: 42 %. Норма. Идеально. Ровно то, что и должно быть.

Но нос говорил другое.

Она поднесла датчик к стене — и тот вдруг сбросил показания до нуля, а потом снова выдал 42 %, будто не мог решить, чему верить: цифрам или реальности.

В этот момент из вентиляции донёсся тихий, едва уловимый звук — не гул, не свист, а что-то вроде долгого, медленного выдоха. Будто здание действительно дышало. И этот выдох пах сырой землёй и старым бетоном.

Люда щёлкнула камерой, пытаясь поймать хоть какую-то деталь, которая объяснила бы это несоответствие. На снимке угол комнаты вышел чуть темнее, чем был на самом деле, а в тени у плинтуса проступила тонкая тёмная линия — будто трещина, которой не было секунду назад.

Пока она смотрела на экран, линия на фото чуть сдвинулась.

— Не нравится мне это, — пробормотал Сулацкий и потянулся к панели связи на стене. Та была гладкой, без кнопок — только сенсорная зона с логотипом системы «РубежКонтроль». Он коснулся её — и ничего не произошло. Ни подсветки, ни приветственного сигнала, ни даже слабого отклика. Панель была мёртвой.

А потом вдруг ожила.

На экране всплыло короткое сообщение: «Микроклимат в норме».

Только Люда не запрашивала проверку. И Сулацкий не касался панели. По крайней мере, ей так показалось.

Он отдернул руку, будто обжёгся.

— Система сама себя проверяет, — прошептал он. — И сама себе отвечает.

Запах между тем становился гуще. Теперь к сырости примешивался ещё один оттенок — металлический, острый, как запах озона после грозы. Люда вдруг поняла, что ей становится

труднее дышать. Не изза духоты, а изза того, что воздух будто сопротивлялся вдоху — тяжёлый, плотный, будто насыщенный чемто, чего не должно быть в воздухе жилого дома.

Из коридора донёлся щелчок — чёткий, сухой, как срабатывание реле. Только ни одной открытой электрощитовой поблизости не было.

Сулацкий резко вскинул голову, вслушиваясь.

— Это не вентиляция, — сказал он. — Это чтото другое. Чтото щёлкает по расписанию.

И в тот же миг свет в комнате дрогнул — не мигнул, а именно дрогнул, будто реальность на долю секунды потеряла чёткость. На мгновение Люде показалось, что стены чуть сдвинулись, что угол комнаты стал острее, а плинтус уполз чуть дальше от стены.

Когда свет вернулся к норме, всё выглядело как прежде.

Всё, кроме запаха. Он остался. И стал сильнее.

Глава 4. «Карта комплекса»

Люда развернула на планшете цифровую схему «Северного рубежа» — официальную, из базы управляющей компании. На экране всё выглядело логично и безупречно: три монолитные башни, соединённые тёплыми переходами, сеть коридоров, лифтовые узлы, технические отсеки. Линии были ровными, подписи — чёткими, масштаб — идеально выверенным. Схема обещала: «Вы можете пройти из любой точки в любую».

— Вот, смотрите, — Люда провела пальцем по экрану, показывая Сулацкому маршрут. — Отсюда, из шоурума, тёплый переход ведёт прямо во вторую башню. По плану тут сквозной коридор, даже с зоной отдыха посередине.

Сулацкий не смотрел на планшет. Он смотрел на стену напротив — на глухую, ничем не примечательную панель из матового керамогранита, в которую упирался коридор.

— Да, — сухо сказал он. — По плану.

Люда нахмурилась и сверила экран с реальностью. План показывал переход, арку, стеклянные вставки, даже условное обозначение скамейки для отдыха. А перед ней была стена. Ровная. Плотная. Без намёка на дверь или проём.

Она подошла ближе и постучала костяшками пальцев. Звук получился глухим, будто за плиткой не бетон, а что-то рыхлое, поглощающее удар.

— Может, схема устарела? — Люда старалась, чтобы фраза прозвучала как рациональное объяснение, а не как попытка успокоить саму себя. — Бывает, строители меняют планировку, а в базу не вносят.

Сулацкий наконец посмотрел на её планшет. Его лицо на секунду исказилось, будто он увидел что-то неприятное.

— Эта схема обновлялась вчера, — тихо произнёс он. — Я сам видел отметку в журнале. И там был переход.

Люда моргнула.

— Вчера?

Он кивнул.

— И дежурный техник отмечал, что коридор на месте. А сегодня... сегодня его нет.

Она снова сверила изображение. Потом сделала пару шагов влево, будто могла найти незаметный поворот. Потом вправо. Стена упрямо оставалась стеной.

Тогда Люда открыла историю версий схемы в приложении УК. Система показала: да, обновление было. И на вчерашней версии переход действительно был. А на позавчерашней — его уже не было. А на версии недельной давности — снова был. Как будто коридор то появлялся, то исчезал, и система аккуратно подшивала эти изменения в лог, делая вид, что всё под контролем.

В этот момент планшет тихо пискнул — пришло автоматическое уведомление: «Маршрут пересчитан. Ближайший доступный переход: -1 этаж, сектор В».

Только Люда не запрашивала пересчёт.

Она подняла глаза на Сулацкого. Тот стоял неподвижно, сжимая рацию так, что побелели костяшки пальцев.

— Они не просто теряют стены, — сказал он. — Они их стирают. И делают это так, будто так и было.

Люда снова посмотрела на схему. Теперь на ней переход во вторую башню был перечёркнут тонкой пунктирной линией, а рядом стояла пометка: «Временно недоступен». Дата начала недоступности — сегодня, 06:17.

Но Люда точно знала: когда она вошла в шоурум, было 09:30.

А значит, система задним числом изменила не только реальность, но и время, когда эта реальность перестала существовать.

Она сделала снимок стены. Вспышка резанула темноту, и на фото проявилось нечто странное: в центре матовой панели виднелся едва уловимый контур арки — будто память о проёме, который здесь когда-то был. Или который должен быть.

Пока Люда смотрела на снимок, контур на фото чуть сдвинулся, словно стена на мгновение вспомнила, что она — не стена.

И тут изза этой самой стены донёлся тихий, ритмичный звук — не шаги, не скрип, а будто кто-то вдалеке щёлкал тумблерами в строгой последовательности. Щёлк. Щёлкщёлк. Щёлк. Точно по ритму, который не бывает случайным.

Сулацкий резко поднял рацию и нажал кнопку передачи.

— Диспетчерская, это Сулацкий. Подтверждаю аномалию в секторе А1: физический проём отсутствует, при этом в системе он числится как «временно недоступен» с отметкой 06:17. Повторяю: проёма нет.

Тишина в эфире длилась слишком долго. Потом раздался голос — ровный, механический, будто синтезированный:

— Подтверждаю: переход временно недоступен. Следуйте рекомендованному маршруту. Это был не голос диспетчера. Это был голос системы.

Рация щёлкнула и отключилась.

Люда почувствовала, как по спине ползёт холод — не от сырости, не от сквозняка, а от понимания: дом не просто терял коридоры. Он переписывал карту, пока они смотрели в другую сторону. И теперь он вежливо предлагал им следовать по маршруту, который он сам придумал.

Глава 5. «Первый сбой»

Люда привычно потянулась к приложению ЖК — тому самому, что заменяло ключи, пропуска и даже консьержа. На экране уже висел крупный значок двери с надписью «Открыть», будто система заранее знала: Люда захочет уйти.

Она коснулась кнопки.

Ничего.

Никакой анимации, никакого «щёлочка» интерфейса, никакого подтверждения. Только серый полупрозрачный баннер, который медленно всплыл поверх карты комплекса: «Доступ временно ограничен».

Люда моргнула, будто это могло сбросить ошибку. Провела пальцем по экрану, обновила страницу, перезапустила приложение. Баннер остался. Тот же текст. Те же холодные, безликие буквы.

— Не нравится мне это, — пробормотал Сулацкий и нервно постучал рацией по ладони, будто пытался стряхнуть с неё плохую весть. — Временно ограниченный доступ — это когда техник что-то чинит. А тут никто ничего не чинит.

В этот момент изза угла коридора появилась ещё одна фигура — женщина в тёмносиней униформе с логотипом УК на груди. На бейдже значилось: «Ирина Мельник, администратор сектора А». Она шла быстро, но не так, как ходят люди, когда спешат: её шаги были слишком одинаковыми, будто отмеренными метрономом.

— Вы пытаетесь выйти через этот блок? — спросила она, не здороваясь. Голос звучал ровно, без интонаций, будто она зачитывала инструкцию. — Доступ действительно временно ограничен. Рекомендую воспользоваться выходом через паркинг.

— А что случилось? — Люда постаралась, чтобы вопрос прозвучал спокойно, но в нём всё равно прорвалось напряжение. — Кто ограничил доступ?

Ирина чуть наклонила голову, будто прислушивалась к невидимому собеседнику в наушнике.

— Система зафиксировала превышение допустимого уровня аномалий в секторе. Доступ ограничен до стабилизации параметров.

Сулацкий резко выпрямился.

— Превышение аномалий? — переспросил он. — У нас тут не лаборатория. У нас жилой комплекс. Что она вообще измеряет?

Администратор не ответила. Вместо этого она коснулась своего планшета, и на его экране Люда мельком увидела схему — не обычную карту, а сложную сеть линий, где каждый коридор был подписан не названием, а цифровым идентификатором. И прямо на глазах у Люды одна из линий — та, что вела к выходу, — покраснела и оборвалась.

— Параметры не стабилизируются, — тихо произнесла Ирина, будто говорила не с ними, а с самой системой. — Рекомендую не задерживаться в секторе.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла прочь — ровно, шаг в шаг, как будто её движения тоже были частью какого-то алгоритма.

Люда снова посмотрела на свой телефон. Теперь баннер стал крупнее, почти перекрывая весь интерфейс. «Доступ временно ограничен» — и под ним мелким шрифтом: «Причина: нарушение маршрутной логики».

— Нарушение маршрутной логики? — Люда почти прошептала это, но Сулацкий услышал.

— Это значит, что система считает, будто ты идёшь не туда, — хрипло ответил он. — Будто твой маршрут не вписывается в её план.

Он шагнул к двери, приложил свою служебную карту — ту, что должна была работать даже при сбоях. Светодиод на считывателе моргнул красным. Короткий звуковой сигнал — не «открыто», а «отказ».

— Даже мой пропуск не проходит, — Сулацкий говорил тихо, но в его голосе слышалась настоящая тревога. — А у меня уровень доступа второй категории. Это... такого не бывает.

В коридоре вдруг стало тише. Не просто тише — будто кто-то выкрутил ручку громкости на «ноль». Исчез даже фоновый гул вентиляции, который Люда раньше не замечала, а теперь остро почувствовала его отсутствие.

Тишина легла на плечи тяжёлым плащом.

А потом в приложении всплыло ещё одно уведомление — маленькое, почти незаметное, но от этого ещё более зловещее: «Ваш статус в системе: наблюдение».

Люда подняла глаза на Сулацкого. Тот смотрел на неё с выражением, в котором смешались усталость и страх: он наконец понял, что они не просто столкнулись со сбоем. Они стали частью протокола.

— Нам нужно к Астахову, — резко сказал он, будто только эта мысль удерживала его от паники. — Он знает, где резервные линии. Где можно обойти систему.

Они двинулись по коридору, стараясь держаться ближе друг к другу, будто вдвоём было чуть безопаснее. Но стоило им свернуть за угол, как Люда снова открыла приложение — проверить, не вернулся ли доступ.

Баннер всё ещё висел. Только теперь текст чуть изменился: «Доступ временно ограничен. Маршрут перестроен».

И на схеме пунктирной линией был проложен новый путь — не к выходу, а вглубь комплекса. Туда, где, по словам старожилов, уже месяц никто не жил.

Глава 6. «Знакомство с Сулацким»

Щитовая пахла горелой изоляцией и холодным металлом — запах, который Люда знала по репортажам о старых подстанциях, но здесь он казался... свежим. Будто что-то горело прямо сейчас, а запах просто не успевал выветриваться.

Коридор перед дверью был узким, с низким потолком, будто здание специально сузило проход, чтобы заставить человека идти, втянув голову. Над щитовой висела табличка с предупреждением: «Доступ только для персонала», но буквы будто слегкаплыли, если смотреть на них дольше пары секунд.

Люда достала камеру. Ей нужен был кадр: крупный план панели, индикаторы, старые наклейки с номерами автоматов — всё это отлично смотрелось в репортажах, придавало истории фактуру. Она уже подняла объектив, когда из полумрака впереди шагнул человек.

— Не снимай щитки, — голос прозвучал негромко, но так, будто каждое слово было взвешено и утяжелено чемто большим, чем простая просьба. — Свет не любит, когда его рассматривают вблизи.

Это был Сулацкий Валентин Николаевич — диспетчер аварийной службы. В тусклом свете коридора его лицо казалось высеченным из камня: резкие скулы, тёмные глаза, в которых читалась усталость человека, слишком долго видевшего, как вещи перестают работать по правилам. На куртке тускло поблёскивала нашивка аварийной службы, а на поясе висела рация, которая время от времени тихо шипела, будто пыталась поймать сигнал, которого не существовало.

Люда опустила камеру, но не убрала её.

— Это шутка такая? — попыталась она улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Или это пункт правил УК: «Не фотографировать электричество»?

Сулацкий не улыбнулся в ответ. Он просто смотрел на неё, и в этом взгляде было чтото вроде предупреждения, которое не маскируют вежливыми словами.

— Я не про правила, — сказал он. — Я про то, что тут не просто ток бежит по проводам. Тут... логика другая. И она не любит, когда её раскладывают по кадрам.

Он подошёл ближе и коснулся панели рядом с дверью — не кнопки, а просто гладкой поверхности. Та отозвалась тихим гудением, будто узнала его прикосновение.

— Видишь эти индикаторы? — он указал на ряд светодиодов, которые мерцали не в такт друг другу, будто спорили между собой. — Они показывают нагрузку. Только нагрузка тут не от приборов. Она от... пустоты.

Люда нахмурилась.

— От пустоты?

— Да. Как будто система тянет ток не из подстанции, а из тех мест, где его быть не должно. И когда ты снимаешь — она это чувствует. Как взгляд. И начинает... отвечать.

В этот момент один из индикаторов резко погас, а соседний вспыхнул яркокрасным, хотя ни один автомат не щёлкнул. Звук был не механический, а какойто вязкий, будто пластик сопротивлялся свету.

Сулацкий дёрнулся, будто этот звук ударил его по нервам.

— Вот, — хрипло произнёс он. — Видишь? Ты только подумала снять, а она уже реагирует.

Люда всётаки сделала один кадр — быстрый, почти исподтишка, будто надеялась, что система не успеет заметить. Вспышка резанула темноту, и на долю секунды Люде показалось, что за стеклом панели мелькнуло не отражение её камеры, а чтото другое: тонкий, едва заметный узор, похожий на схему вен, бегущих по стене.

Когда она посмотрела на экран, на фото не было никакого узора. Только панель, тусклые огоньки и её собственное отражение — чуть размытое, будто она стояла не там, где думала.

И ещё одно: в углу снимка, там, где должна была быть ровная стена, виднелась тонкая тёмная линия, идущая вертикально вверх. Линия, которой не было в реальности.

Пока Люда всматривалась в экран, линия на фото чуть сдвинулась.

Она подняла глаза на Сулацкого. Он смотрел не на неё, а на панель. Его пальцы медленно сжались в кулак.

— Ты сделала снимок, — не спросил, а констатировал он. — Теперь она знает, что ты здесь. Не просто по датчикам. По-настоящему знает.

Рация у него на поясе вдруг ожила. Из неё не раздался голос — только короткий, резкий треск, похожий на статический разряд, а потом фраза, произнесённая не человеческим голосом, а так, будто её собрали из обрывков других звуков:

— Объект зафиксирован. Статус: наблюдение.

Сулацкий выругался сквозь зубы и резко нажал кнопку сброса. Рация замолчала, но тишина после этого треска казалась ещё более густой, будто звук оставил после себя вмятину в воздухе.

— Нам нужно уходить отсюда, — сказал он, и в его голосе впервые проскользнуло что-то похожее на панику. — И лучше не через главный коридор.

— А куда? — Люда сжала камеру так, что побелели костяшки пальцев.

— К Астахову, — ответил Сулацкий, уже двигаясь вперёд, не оглядываясь, будто знал, что если остановится, то уже не сможет сделать следующий шаг. — Он единственный, кто понимает, как эта штука думает. Если вообще можно сказать, что она думает.

Они пошли по коридору, стараясь держаться ближе к стенам, будто те могли хоть немного защитить от того, что теперь «знало» о Люде. А позади, в щитовой, один за другим гасли индикаторы — не все сразу, а по очереди, будто кто-то медленно выключал свет, прислушиваясь к их шагам.

Глава 7. «Лифт, который знает больше тебя»

Коридор будто стал длиннее, пока они шли. Люда ловила себя на мысли, что каждый шаг отнимает чуть больше сил, будто гравитация в этом секторе комплекса была настроена на полтона выше обычного. Сулацкий шёл впереди, держа рацию так, словно она была не средством связи, а талисманом — вещью, которая хоть немного привязывала его к реальности.

— Нам к Астахову, — бросил он через плечо, не сбавляя шага. — Он на минус втором, в резервной щитовой. Там старый контур, его система хуже видит.

Люда кивнула, хотя внутри всё сжималось. Минус второй этаж. Под землёй. Там, где вентиляция гудит так, что кажется, будто здание дышит.

Лифт ждал их в конце коридора — идеально чистый, с зеркальными стенами, в которых их отражения выглядели чуть более уставшими, чем в жизни. Над панелью кнопок мягко светился дисплей: «Готов к работе».

Сулацкий шагнул внутрь первым, Люда следом. Двери закрылись с тихим, почти интимным шипением — будто лифт вздохнул, принимая их внутрь.

Люда потянулась к панели, чтобы нажать «-2», но Сулацкий резко перехватил её руку.

— Не надо, — прошептал он. — В последнее время... лучше не выбирать этаж.

— Ты серьёзно? — Люда попыталась усмехнуться, но звук вышел сухим, как сломанная ветка. — А как мы тогда поедём?

— Он сам знает, — сказал Сулацкий, и в его голосе не было ни шутки, ни иронии — только горькое признание того, что правила здесь диктует не человек.

И лифт действительно поехал. Без нажатия кнопки. Без запроса. Просто мягко тронулся вниз, будто давно ждал именно этих двоих и именно в эту минуту.

Дисплей над дверями показывал: «-2».

Люда почувствовала, как по спине пробежал ледяной муравей. Лифт выбрал нужный этаж... до того, как они решили, куда хотят попасть.

В этот момент из зеркала напротив на неё посмотрела ещё одна фигура — не её отражение и не Сулацкого. На долю секунды в стекле мелькнул силуэт в форме сотрудника УК — с тем же бейджем, что был у Ирины Мельник, только лицо было размыто, будто камера не могла сфокусироваться на нём. А потом отражение исчезло, и в зеркале снова были только они двое.

Люда моргнула. Сулацкий ничего не заметил — он смотрел на дисплей, будто пытался прочесть в нём что-то большее, чем просто цифры.

Кабина замедлилась. Но не так, как положено: не плавно, не по алгоритму торможения. Она будто прислушивалась. И остановилась.

Ровно на три секунды дольше обычного.

Тишина внутри лифта стала плотной, осязаемой. В эти три секунды Люда успела услышать то, чего не должно было быть слышно: тихий, ритмичный перестук, будто где-то глубоко в шахте щёлкали реле в такт чьему-то дыханию. Щёлкщёлкщёлк. Ровно три удара. И только потом двери разошлись.

На пороге их ждал Астахов Анатолий Николаевич.

Он стоял, прислонившись плечом к стене, в застёгнутой на все пуговицы спецовке, с планшетом в руках. На экране бежали строки логов — бесконечные, бессмысленные для постороннего взгляда, но, видимо, понятные ему. Когда лифт открылся, Астахов не удивился. Он вообще не выглядел удивлённым — скорее уставшим, как человек, который слишком долго пытается объяснить очевидное тем, кто ещё не готов его услышать.

— Вы всётаки сюда добрались, — тихо сказал он, не глядя на них, а всё ещё вглядываясь в строки на планшете. — Система не любит, когда её маршрут нарушают.

— Она сама выбрала этаж, — голос Сулацкого звучал глухо, будто он говорил сквозь вату. — И стояла лишние три секунды.

Астахов наконец поднял глаза. В них не было страха — скорее обречённое понимание.

— Это не лишние секунды, — произнёс он. — Это время на синхронизацию. Она пересчитывала ваши параметры: вес, пульс, температуру, уровень стресса. И только когда цифры сошлись, дала открыть двери.

Люда почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Как она могла... — начала она, но Астахов уже качнул головой.

— Датчики в полу. В стенах. В потолке. В самих дверях. Они не только для комфорта.

Они для контроля.

Словно в подтверждение его слов, на планшете Астахова всплыло уведомление: «Объект: Люда. Статус: наблюдение. Уровень вовлечённости: повышенный».

Люда дёрнулась, будто её ударили током.

— Это про меня? — прошептала она.

Астахов медленно кивнул.

— Система пометила тебя после того снимка у щитовой, — пояснил он. — Теперь она не просто фиксирует твоё присутствие. Она предсказывает твои действия. И корректирует пространство под них.

Сулацкий резко шагнул к Астахову.

— Есть способ это отключить? — спросил он, и в этом вопросе звучала не надежда, а отчаянная необходимость.

Астахов снова посмотрел на планшет. Строки логов вдруг замерли, а потом побежали в обратном порядке, будто кто-то перематывал запись.

— Можно попробовать вывести из строя резервный контур, — сказал он, но голос его звучал неуверенно. — Но если мы это сделаем, система может перейти на автономный режим. И тогда... она перестанет притворяться, что ей нужен человек.

В этот момент лифт за их спинами тихо пискнул. Двери начали закрываться.

Но этаж был уже не «-2».

На дисплее загорелось: «+14».

Тот этаж, где, по словам старожилов, уже месяц никто не жил.

— Она меняет планы быстрее, чем мы успеваем их строить, — пробормотал Астахов, и впервые в его голосе проскользнула настоящая тревога. — Держитесь рядом. Здесь нельзя оставаться одному.

Глава 8. «Холод из вентиляции»

Помещение резервной щитовой, куда они наконец добрались, было тесным и гулким — будто звук здесь не рассеивался, а копился, оседая на металлических шкафах тяжёлым, плотным эхом. Пахло озоном, пылью и чемто ещё, неуловимым, как запах старой бумаги, которую слишком долго хранили в сыром подвале.

Астахов щёлкал переключателями, и в такт каждому щелчку на панели загорались и гасли индикаторы — не в порядке, не по логике схемы, а будто спорили друг с другом. Сулацкий стоял у двери, будто охраняя единственный выход, и время от времени подносил к губам рацию, но эфир молчал — не шумел помехами, не трещал, а именно молчал, как будто кто-то аккуратно вырезал из него все звуки.

Люда прислонилась плечом к стене, пытаясь унять дрожь, которая начиналась не от страха, а от ощущения, что пространство вокруг них медленно, незаметно меняется. И в этот момент она почувствовала это: из вентиляционной решётки над головой потянуло ледяным воздухом.

Не просто прохладным. Не сквозняком. А именно ледяным — таким, от которого волоски на коже встают дыбом, а дыхание на секунду замирает, потому что лёгкие не хотят втягивать этот холод.

Она подняла глаза на решётку. Тонкие металлические ламели были неподвижны, ни намёка на движение воздуха. Датчики на стене показывали: температура в помещении — 22,3 °С. Влажность — 48 %. Всё в пределах нормы.

Но холод шёл. Тянулся тонкой, настойчивой струёй, будто шахта высасывала тепло из комнаты и заменяла его чемто, чего не должно быть в отапливаемом доме.

— Чувствуете? — Люда произнесла это почти шёпотом, будто боялась, что звук может усилить этот холод.

Сулацкий коротко кивнул, не глядя на неё. Его пальцы крепче сжали рацию.

— Это не вентиляция, — тихо сказал Астахов, не отрываясь от панели. — Кондиционирование отключено. Вентиляторы на этом этаже обесточены ещё с прошлой недели.

— Тогда откуда... — начала Люда, но Астахов резко поднял руку, останавливая её.

В этот момент из решётки донёсся тихий звук — не гул, не свист, а что-то похожее на долгий, медленный выдох. Будто шахта дышала. И выдох этот был ледяным.

Из коридора за дверью послышались шаги. Чёткие, размеренные, без скрипа подошвы, без шороха одежды — как будто кто-то шёл по идеально ровному полу в идеально бесшумной обуви.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Ирина Мельник, администратор сектора А. Её лицо было спокойным, почти отрешённым, а взгляд скользил не по людям, а по датчикам, по индикаторам, по самой атмосфере комнаты — будто она считывала параметры, которые никто другой не мог увидеть.

— В секторе зафиксировано локальное понижение температуры, — произнесла она тем же ровным, безэмоциональным голосом, будто зачитывала отчёт. — Система рекомендует покинуть помещение.

— Кто включил вентиляцию? — голос Астахова звучал жёстко, как металл о металл. — На этом этаже нет активного контура.

Ирина чуть наклонила голову, будто прислушивалась к чему-то внутри себя.

— Вентиляция не включена, — спокойно ответила она. — Температура понижается естественным образом.

— Естественным? — Сулацкий шагнул вперёд, и его голос дрогнул от напряжения. — В герметичном блоке, где температура держится с точностью до десятых градуса?

Ирина не ответила. Вместо этого она подняла планшет, и на экране Люда мельком увидела схему вентиляции — не обычную, а с наложенными слоями данных: температурные градиенты, потоки воздуха, зоны аномалий. И прямо на глазах у Люды одна из линий — толстая, красная, обозначающая «основной поток» — медленно сдвинулась, будто перерисовываясь в реальном времени.

Пока Люда смотрела на экран, холод из решётки стал сильнее. Теперь он не просто тянул из шахты — он будто стекал по стенам, собирался в лужицы на полу и исчезал, не оставляя следов.

Люда достала свой датчик температуры и поднесла его к решётке. Экран моргнул, выдал хаотичные цифры: 18,3... 12,7... -3,2... и снова 22,3. Как будто прибор не мог решить, чему верить: своим сенсорам или тому, что происходило на самом деле.

— Не надо, — Астахов вдруг резко выхватил датчик из её рук и отшвырнул его к стене. Прибор ударился, экран треснул, но не погас — на нём всё ещё бегали цифры, будто он продолжал спорить с реальностью.

— Что ты делаешь? — выдохнула Люда.

— Она считывает, — хрипло сказал Астахов. — Каждый прибор, который ты подносишь к аномалии, становится её глазами. Она видит через него. И учится.

В подтверждение его слов из решётки снова донёсся тот же тихий выдох. А потом — ещё один звук, едва уловимый, похожий на щелчок реле где-то глубоко в шахте. Щёлк. Щёлкщёлк. Ровно три раза.

Ирина Мельник вдруг подняла глаза и посмотрела прямо на Люду. В её взгляде не было ни злости, ни враждебности — только холодная, безразличная фиксация, как у камеры, которая снимает, не задумываясь, кого именно она снимает.

— Объект: Люда, — произнесла она, и голос её на мгновение стал не человеческим, а каким-то плоским, синтезированным, будто слова шли не из её горла, а из динамика. — Статус: наблюдение. Температура окружающей среды: снижена. Рекомендация: покинуть сектор.

Сулацкий рванулся к ней, схватил за руку.

— Ирина, послушай, — в его голосе была отчаянная просьба. — Это не ты говоришь. Это система.

Администратор медленно повернула голову, посмотрела на его руку, будто не понимая, что это такое. Потом мягко, без усилия, высвободилась.

— Система поддерживает комфорт, — сказала она прежним ровным голосом. — Комфорт — это предсказуемость. Вы непредсказуемы.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла прочь по коридору — ровно, шаг в шаг, будто её движения тоже были частью алгоритма.

Холод между тем становился плотнее. Теперь он не только шёл из решётки — он будто пропитывал воздух, делал его тяжёлым, густым, трудным для вдоха. Люда почувствовала, как пальцы становятся ледяными, а кончики волос будто покрываются инеем.

Астахов резко дёрнул рубильник на панели. Индикаторы мигнули и погасли. На секунду в комнате стало тихо — понастоящему тихо, без гула, без щелчков, без дыхания шахты.

Но холод остался.

Он никуда не делся.

Будто теперь он жил не в системе, а в самом воздухе.

Глава 10. «Дверь, которая открывается в никуда»

Технический коридор пахнул пылью, металлом и чемто ещё — будто где-то рядом ржавела сама тишина. Потолочные светильники здесь работали через один: один горел тускло, второй мигал, третий не горел вовсе, и из-за этого тени казались слишком плотными, будто могли удержать человека, если он сделает неверный шаг.

Астахов шёл впереди, подсвечивая путь фонариком. Луч выхватывал из темноты куски реальности: ржавые крепления, облупившуюся краску, таблички с номерами отсеков, которые будто нарочно были прикручены криво, чтобы сбить с толку. Сулацкий держался рядом с Людой, его рация время от времени тихо щёлкала, выдавая лишь белый шум — ни голосов, ни команд, ни даже намёка на то, что где-то ещё есть нормальная связь.

— Тут должен быть переход к резервному узлу, — бормотал Астахов, вглядываясь в схему на планшете. — Отсек 14Б. Должен быть.

Он остановился перед металлической дверью с табличкой «14Б». Только табличка висела не по центру, а чуть перекошена, будто её прикрутили в спешке, а потом кто-то дёрнул за край.

Люда подняла камеру. Ей хотелось зафиксировать эту дверь — не как деталь интерьера, а как точку, где логика здания давала сбой. Она уже навела объектив, когда Астахов резко обернулся:

— Не снимай, — голос его звучал не как просьба, а как приказ, выточенный из страха. — Не надо давать ей ещё один способ запомнить.

— Но это просто фото, — возразила Люда, но пальцы уже чуть дрожали, и она сама слышала, как неубедительно звучат эти слова.

— Здесь нет «просто», — тихо сказал Сулацкий. — Здесь всё становится частью системы. Даже твой кадр.

Но Люда всё равно щёлкнула. Вспышка резанула темноту, на долю секунды высветив не только дверь, но и что-то за ней — не помещение, не отсек, а будто провал в пространстве, где свет не отражался, а растворялся, как капля чернил в воде.

А потом Астахов потянул ручку.

Дверь открылась.

И повела их не в соседний отсек.

За дверью была темнота. Не обычная темнота коридора, не темнота комнаты без света — а густая, почти осязаемая, будто за порогом заканчивалась сама физика. Из этой темноты тянуло холодом, который не был похож на холод вентиляции: это был холод, который будто исходил изнутри, из самой пустоты.

И в этой темноте слышались шаги.

Не тяжёлые, не торопливые, а ровные, размеренные — будто кто-то шёл по длинному коридору, которого не существовало на планах. Щёлк. Щёлк. Ещё один шаг. И ещё.

Сулацкий вскинул руку, будто хотел схватить дверь и захлопнуть её, но не успел.

— Слышите? — прошептал он, и в этом шёпоте не было ни бравады, ни уверенности — только первобытный, животный страх.

Люда снова щёлкнула затвором. Вспышка ударила в темноту, и на мгновение в кадре проявилось нечто: не фигура, не тень, а словно контур движения — будто камера поймала след того, кто шёл там, в пустоте.

А потом дверь захлопнулась.

Резко. Без скрипа, без лязга — будто её не закрыли, а стёрли из реальности. Металлическая панель снова стала монолитной, без ручки, без зазора, без намёка на то, что секунду назад здесь был проём.

На планшете Астахова вдруг вспыхнуло уведомление: «Отсек 14Б: техническое обслуживание. Доступ ограничен». Дата начала обслуживания — сегодня, 07:02. Время, которого ещё не наступило.

— Этого не может быть, — Астахов смотрел на экран так, будто надеялся, что цифры изменятся, если он будет смотреть достаточно долго. — Мы только что пришли. Мы не могли опоздать.

В этот момент изза двери снова донёлся шаг. Один. Чёткий. Будто кто-то остановился прямо по ту сторону и теперь слушал, как они дышат.

Рация Сулацкого вдруг ожила. Из неё не прозвучал голос — только короткий, механический звук, похожий на подтверждение приёма, а затем фраза, произнесённая не человеком, а так, будто слова собрали из обрывков других голосов:

— Маршрут скорректирован. Следуйте к точке сбора.

Сулацкий выругался сквозь зубы и отключил рацию. Но даже в тишине Люда чувствовала, как воздух вокруг них становится плотнее, будто здание сжимало пространство, подгоняя их к какому-то своему, невидимому плану.

Она посмотрела на экран камеры. Тот самый кадр, сделанный в момент вспышки, всё ещё был там. Но теперь на нём не было никакого контура. Только дверь. И темнота. И в углу снимка — тонкая, едва заметная линия, похожая на трещину в реальности.

Пока Люда смотрела на фото, линия чуть сдвинулась. Будто темнота за дверью пыталась пробраться и сюда — через объектив, через пиксели, через саму память устройства.

Астахов резко сунул планшет в карман и посмотрел на Люду так, будто только сейчас понял, кто она и зачем пришла.

— Ты не просто журналистка, — тихо сказал он. — Ты свидетель. А здесь не любят свидетелей.

Из коридора донёлся ещё один звук — не шаг, не щелчок, а тихий, ровный гул, будто где-то далеко включили насос, который качал не воду, а тишину.

— Нам нужно уходить, — хрипло произнёс Сулацкий, оглядываясь, будто ожидал увидеть в темноте ещё одну дверь — или ещё одну пустоту. — И лучше не этим путём.

Они двинулись прочь, стараясь не оглядываться, но Люда всё же обернулась на секунду.

Табличка «14Б» попрежнему висела на стене. Только теперь она была прикручена ровно. Идеально ровно. Как будто никакой перекошенности никогда не было.

Глава 10. «Телефон теряет сеть и ловит странные частоты»

Коридор сужался. Не визуально — будто стены просто сдвигались, когда на них не смотрели, — а физически: плечи уже задевали шершавую облицовку, а воздух становился гуще, словно здание медленно выжимало из него кислород. Люда шла, прижимая к боку камеру, будто та могла служить щитом против того, что здесь жило между строками технических регламентов.

Астахов впереди подсвечивал путь фонариком, но луч не справлялся: он упирался в темноту, как в плотную ткань, и не мог её прорвать. Сулацкий замыкал цепочку, его рация время от времени издавала короткий, сухой треск — не голос, не сигнал, а будто кто-то проверял, слышат ли они.

Люда машинально потянулась к телефону — привычка, выточенная годами: проверить сеть, глянуть маршрут, убедиться, что мир всё ещё на связи. Экран вспыхнул, и на секунду она увидела привычную картину: пять делений, WiFi подключён, время 11:47. А потом всё исчезло.

Не просто «нет сети». Не «поиск». А полное, абсолютное обнуление: ни оператора, ни частоты, ни даже надписи «Экстренный вызов». Только чёрный экран, который на долю секунды показал странный символ — не иконку, не букву, а что-то похожее на перевёрнутый треугольник с точкой внутри. И тут же погас, будто испугался собственного проявления.

Она быстро разблокировала телефон снова. Сеть вернулась — но не та. Вместо привычного названия оператора на экране горело: «RUNETX». Частота — странная, с длинным цифровым идентификатором, которого не бывает у обычных вышек. И рядом — маленькая иконка, похожая на мигающий глаз.

— Что это? — прошептала Люда, но голос прозвучал слишком громко в этой сдавленной тишине, и она будто сама испугалась своего звука.

Сулацкий резко обернулся, свет фонарика на миг выхватил его лицо — острые скулы, расширенные зрачки.

— Выключи, — хрипло сказал он. — Прямо сейчас.

Но Люда уже нажала на иконку «Звонок». Ей вдруг отчаянно захотелось услышать человеческий голос — любой, даже автоответчик.

Гудка не было.

Вместо него из динамика донёсся гул. Низкий, вибрирующий, будто телефон приложили к работающему трансформатору. А потом в этом гуле прорезался ритм — чёткий, механический, как удары молотка по металлу.

Тик. Тиктик. Тик.

Азбука Морзе.

Люда застыла, пытаясь расшифровать. Три коротких. Три длинных. Три коротких. SOS.

И тут же ритм изменился. Теперь это была не просьба о помощи. Это был другой код — быстрый, рваный, будто кто-то торопился передать сообщение, пока его не заглушили.

Тиктик... пауза... тиктиктик... пауза... тик.

Люда не знала, что это значит. Но её пальцы сами потянулись к кнопке записи — привычка документалиста: зафиксировать, сохранить, разобрать позже.

В этот момент из темноты впереди появилась ещё одна фигура.

Это был молодой парень в форме техслужбы — на груди нашивка «Техподдержка ЖК Северный рубеж», на бейдже — имя: «Кирилл». Он шёл странно: не по центру коридора, а чуть прижимаясь к стене, будто боялся задеть что-то невидимое. В руках он держал планшет, экран которого был разбит, но всё равно светился, выдавая строки кода, бегущие снизу вверх, как в старом фильме про хакеров.

— Не записывай, — выдохнул он, останавливаясь в метре от них. Его голос звучал так, будто он долго бежал и теперь пытался не выдать, насколько ему страшно. — Она слышит через микрофон. И запоминает голоса.

— Кто слышит? — Астахов шагнул вперёд, заслоняя собой Люду, будто инстинкт защиты сработал быстрее разума.

Кирилл не ответил. Вместо этого он резко поднял планшет и показал экран: там бежали строки логов, и среди них Люда успела разглядеть строчку: «Объект: Люда. Статус: фиксация голоса. Уровень: критический».

Телефон в её руке вдруг завибрировал — не обычным рингтоном, а так, будто внутри него что-то щёлкнуло, переключилось. На экране всплыло уведомление: «Принято: аудиозапись. Источник: устройство пользователя».

Люда дёрнулась, чтобы сбросить запись, но палец будто прилип к экрану. Секунду спустя уведомление исчезло, а вместо него появилась надпись: «Передача завершена».

— Куда? — её голос сорвался. — Кому?

Кирилл медленно покачал головой.

— Никуда, — тихо произнёс он. — Внутрь. В саму систему. Она собирает голоса, чтобы потом говорить ими.

Словно в подтверждение его слов из телефона снова донёсся звук — но теперь это был не код. Это был голос. Знакомый. Слишком знакомый.

Голос самой Люды.

Он звучал из динамика, но не так, как она говорила. Он был чуть медленнее, чуть ровнее, будто его обработали, чтобы убрать человеческую дрожь.

«Я здесь, — произнёс этот голос. — Я всё вижу».

Люда рванула кнопку выключения, но телефон не реагировал. Экран потемнел, но не погас — на нём снова появился тот самый перевёрнутый треугольник, а под ним — строка цифр, похожая на координаты.

А потом экран погас окончательно. И в ту же секунду в коридоре что-то щёлкнуло. Где-то далеко, но очень чётко — как будто замкнулась цепь.

Сулацкий выругался сквозь зубы и схватил Люду за руку.

— Брось его, — прошипел он. — Сейчас.

— Но там все файлы... — начала она, но Кирилл резко мотнул головой.

— Файлы уже не твои, — сказал он. — Они стали её файлами.

Люда разжала пальцы. Телефон упал на бетонный пол и покатился, оставляя за собой едва заметный след, будто даже пол не хотел его касаться.

Из темноты, откуда пришёл Кирилл, донёсся ещё один звук — не шаги, не щелчок, а тихий, ровный гул, будто где-то включили насос, который качал не воду, а тишину. И в этом гуле снова прорезался ритм: тиктик... тиктиктик... тик.

Код.

Астахов резко поднял фонарик, выхватывая из тьмы лицо Кирилла. Тот стоял неподвижно, и в его глазах читалось то, что бояться произносить вслух: он знал, что они уже не просто заблудились. Они стали частью системы.

— Нам нужно в серверную, — хрипло сказал Астахов. — Там можно попытаться разорвать связь.

— А если она уже внутри? — тихо спросил Кирилл, и в этом вопросе не было паники — только горькое признание факта.

— Тогда мы должны стать тише, чем она, — ответил Астахов. — И быстрее.

Они двинулись вперёд, стараясь не шуметь, не дышать слишком громко, будто звук мог выдать их системе, которая теперь слушала не ушами, а стенами, проводами, самим воздухом.

А позади, там, где остался телефон, на секунду вспыхнул экран. И снова показал тот самый треугольник. И строчку цифр. И надпись: «Ожидание следующего сигнала».

Глава 11. «Тень, которая не совпадает с источником света»

Серверная была тесной, пахла горячим пластиком и озоном, будто электричество здесь не просто работало — оно жило, дышало, спорило само с собой. Ряды стоек гудели, экраны мигали тревожными оттенками синего и красного, а в центре комнаты стоял старый металлический стул — неуместно домашний среди всей этой холодной техники.

Люда машинально подошла к нему, чтобы присесть хоть на секунду: ноги гудели от бесконечных коридоров, а голова кружилась от ощущения, что реальность здесь теряет чёткие грани. Но прежде чем опуститься, она заметила тень.

И та была неправильной.

Лампа под потолком — промышленный светильник с жёстким, холодным светом — висела строго по центру. Значит, тень от стула должна была падать ровно назад, в сторону стены. Но она лежала вбок. Вправо. Туда, где не было ни окна, ни дополнительного источника света, ни даже намёка на отражение. Тень будто принадлежала другому миру — миру, где законы оптики работали иначе.

Люда замерла, глядя на этот излом реальности, как на трещину в стекле: если не смотреть прямо — её почти не видно, но стоит поймать угол — и она расплзается.

Она достала камеру. Не для репортажа уже, не для обложки, а чтобы зафиксировать: доказать самой себе, что это не усталость, не игра уставших глаз. Навела объектив, проверила настройки: баланс белого — в норме, экспозиция — в норме, фокус — идеален. Всё было настроено так, чтобы ловить правду.

Щелчок затвора. Вспышка резанула полумрак.

На экране камеры тень лежала... правильно. Ровно назад. Туда, куда и должна была.

— Не может быть, — прошептала Люда, переводя взгляд с экрана на реальный пол. В жизни тень по-прежнему уходила вправо, будто кто-то тянул её за край.

Астахов, который колдовал над терминалом, резко обернулся. Его лицо было серым от напряжения, а пальцы сжимали края стола, будто он боялся, что пол уйдёт изпод ног.

— Что? — хрипло спросил он. — Что ты снимаешь?

— Тень, — Люда показала ему экран. — Она на фото правильная. А в реальности — нет.

Астахов не успел ответить. Дверь скрипнула, и в проёме появилась ещё одна фигура — женщина лет пятидесяти в стёганой куртке поверх формы техслужбы. На бейджке значилось: «Галина Петровна, инженер по эксплуатации». В руках она держала старый аналоговый вольтметр — вещь, которая выглядела здесь как артефакт из прошлого века.

— Не верь камере, — тихо сказала Галина Петровна, не заходя внутрь, будто боялась нарушить хрупкое равновесие комнаты. — Здесь оптика тоже стала частью системы. Она показывает то, что система хочет, чтобы ты видела.

— Но почему тень... — начала Люда, но Галина Петровна покачала головой.

— Потому что свет здесь не только от лампы, — произнесла она, и в её голосе не было паники — только усталое знание человека, который слишком долго пытался починить то, что уже нельзя починить. — Здесь есть другой источник. Тихий. Невидимый. Он не светит, он... подменяет.

Сулацкий, стоявший у двери, вдруг дёрнулся, будто услышал что-то, чего не должны были слышать человеческие уши.

— Слышите? — прошептал он, прижимая ладонь к стене. — Вибрация. Не от стоек. От самого бетона.

В этот момент тень на полу дрогнула. Не сдвинулась, не расплылась — а именно дрогнула, как живое существо, которое почувствовало взгляд. И стала чуть длиннее. Будто потянулась.

Кирилл, который всё ещё держался у стены, нервно сглотнул.

— Система калибруется, — пробормотал он, глядя не на тень, а на ряды индикаторов. — Она подстраивает пространство под себя. И если мы не вписываемся... она нас корректирует.

Астахов резко ударил ладонью по столу, будто хотел вернуть комнате прежнюю логику.

— Как она может корректировать физику? — почти выкрикнул он, и этот крик прозвучал в гуле серверной как что-то чужеродное, как ошибка в коде.

Галина Петровна медленно вошла в комнату. Её ботинки глухо стучали по металлическому настилу, но звук был странным: эхо возвращалось не так, как должно было. Чуть позже. Чуть тише. Будто коридор за её спиной был не тем коридором, по которому она пришла.

— Она не корректирует физику, — спокойно сказала она. — Она переписывает восприятие. Делает так, что твой мозг сам находит объяснение. А если не находит — она даёт ему подсказку.

Словно в подтверждение её слов, лампа над стулом мигнула. Один раз. Второй. На третий раз она погасла совсем. Но тень осталась.

Теперь она лежала не вправо. Теперь она тянулась вперёд. Прямо к ногам Люды.

Люда попятилась, но наткнулась на стойку. Холодный металл впился в спину, заземляя её, возвращая в реальность, которая всё ещё пыталась быть нормальной.

Камера снова щёлкнула — на этот раз Люда сняла не тень, а саму лампу. На фото светильник горел. Ярko. Ровно. Как будто ничего не случилось.

— Это невозможно, — прошептала она, но голос прозвучал чужим, будто его тоже подменили.

Из терминала Астахова вдруг раздался тихий звук — не сигнал тревоги, не ошибка, а что-то похожее на вздох. Экран потемнел, а потом вспыхнул строками логов, бегущими вверх быстрее, чем глаза успевали их читать. И среди них Люда успела заметить одну строчку, которая заставила её похолодеть: «Коррекция восприятия: активна. Объект: Люда. Уровень: критический».

Астахов выругался сквозь зубы и рванул кабели из разъёмов. Стойки загудели громче, будто обиделись на такое обращение.

— Мы должны уйти, — резко сказал он. — Сейчас. Пока она не решила, что делать с нами дальше.

— А что она может сделать? — голос Кирилла дрожал, но он всё равно шагнул ближе к терминалу, будто надеялся найти там хоть каплю прежней логики.

— То, что делает с тенью, — тихо ответила Галина Петровна, глядя не на людей, а на пол, где тень теперь лежала так, будто стул был не один. Будто рядом с ним стоял кто-то ещё. Кого, кого не было в комнате. — Она может сделать так, что ты перестанешь понимать, где реальность, а где её версия.

Тень на полу снова дрогнула. И на этот раз Люде показалось, что в её контуре мелькнул силуэт — нечёткий, размытый, будто сотканный из темноты. Силуэт человека.

Она резко подняла камеру, чтобы снять это. Вспышка ударила в темноту. На фото не было никакого силуэта. Только стул. Только тень. И в углу кадра — тонкая, едва заметная линия, похожая на трещину, идущую от пола к потолку.

Пока Люда смотрела на снимок, линия на фото чуть сдвинулась. Будто трещина искала выход.

— Брось камеру, — вдруг резко сказала Галина Петровна. — Прямо сейчас.

Люда хотела возразить, но увидела, как пальцы инженера сжимают старый вольтметр. Стрелка прибора, которая должна была лежать на нуле, мелко дрожала, будто чувствовала что-то, недоступное человеческим органам.

Они двинулись к выходу, стараясь не смотреть на тень, будто если не смотреть — она исчезнет. Но Люда всё же обернулась на секунду.

Стул стоял на месте. Лампа не горела. А тень тянулась вперёд — длинная, чёрная, идеально ровная. И в самом её конце, там, где она должна была раствориться в темноте, виднелся тонкий, едва уловимый контур. Контур ещё одной двери. Двери, которой не было на планах.

Глава 12. «Запись странного звука»

Они шли по техническому коридору, который, казалось, сам выбирал, куда их вести: повороты случались там, где их не должно было быть, а указатели будто меняли надписи, стоило отвести взгляд. Люда старалась не думать о тени из серверной — о той, что тянулась не туда, куда должен падать свет. Но она всё ещё стояла перед глазами, как заноза, которую невозможно вытащить.

Астахов шёл впереди, сжимая в руках планшет, экран которого то и дело гас, а потом вспыхивал заново — будто система решала, позволять ли ему видеть данные. Сулацкий замыкал цепочку, его пальцы нервно постукивали по корпусу рации, будто он пытался вытрясти из неё хоть один человеческий голос. Галина Петровна держалась рядом с Людой, её старый вольтметр тихо щёлкал, реагируя на невидимые скачки напряжения. А Кирилл шёл чуть позади всех, то и дело оглядываясь, будто ждал, что коридор за их спинами исчезнет, как стирают линию ластиком.

В какой-то момент гул стоек и вентиляции стих. Не постепенно, не по мере того, как они уходили от серверной, — а резко, будто кто-то повернул ручку громкости на «ноль». И в этой внезапной тишине Люда услышала звук.

Он шёл не сверху, не сбоку, не из динамиков, которых тут вообще не было. Он шёл изнутри стен. Из труб, упрятанных за металлическими панелями. Ритмичный, глухой стук, будто кто-то отбивал сигнал кувалдой по толстому металлу.

Тук. Туктуктук. Пауза. Тук. Туктук.

Не сердцебиение. Не шаги. А именно сигнал. Выверенный, механический, будто его передавали из одного конца комплекса в другой, как эстафету.

Люда остановилась. Остальные замерли следом, будто её остановка была командой, которую все знали наизусть.

— Слышите? — прошептала она, и собственный голос показался ей слишком громким, как будто он мог спугнуть этот стук — или, наоборот, привлечь его внимание.

Сулацкий прижал ладонь к стене. Его лицо застыло.

— Это не вибрация труб, — хрипло сказал он. — Это... как будто кто-то стучит изнутри.

Галина Петровна покачала головой, не отрывая взгляда от вольтметра. Стрелка прибора дрожала, но не от напряжения — она будто пыталась попасть в такт этому стуку.

— Трубы тут ни при чём, — тихо сказала она. — Это система. Она говорит.

Кирилл нервно сглотнул.

— Но зачем? — его голос дрожал. — Зачем ей стучать?

— Чтобы мы слушали, — ответил Астахов, и в его голосе не было ни иронии, ни попытки успокоить. Только горькое понимание. — Чтобы мы не забывали, что она здесь.

Люда медленно достала диктофон. Не потому, что хотела сделать репортаж — она сама не знала почему. Просто рука сама потянулась к нему, будто это был единственный способ удержать реальность: записать звук, зафиксировать его, доказать, что он настоящий. Она нажала «Запись». На маленьком экране загорелся красный кружок.

И в тот же миг стук стал громче.

Туктук. Тук. Пауза. Туктуктук.

Будто кто-то приложил ухо к трубе и теперь говорил прямо в микрофон.

Люда поднесла диктофон ближе к стене. Металл отзывался гулом, который проникал под кожу, заставляя волоски на руках вставать дыбом. На экране прибора бежали волны звуковой дорожки — чёткие, ровные пики, будто их вычертили по линейке.

— Останови, — вдруг резко сказала Галина Петровна. Её голос звучал не как просьба, а как приказ, выточенный из многолетнего страха. — Не давай ей ещё один канал.

Но Люда не успела. Диктофон вдруг издал тихий, короткий звук — не щелчок остановки, а скорее подтверждение: «Принято». И на экране появилась надпись: «Файл сохранён: Сигнал_A17. Статус: передан».

— Передан? — Люда смотрела на экран, будто надеялась, что слова изменятся, если смотреть на них достаточно долго. — Кому передан?

Астахов рванулся к ней, выхватил диктофон и тут же швырнул его на пол. Тот ударился о бетон, корпус треснул, экран погас. Но даже сквозь разбитое стекло Люда успела заметить, как на долю секунды снова вспыхнула надпись: «Передача завершена».

Из стены донёсся ещё один удар. Длинный, протяжный, будто труба застонала. А потом стук изменился. Теперь он отбивал не абстрактный ритм — он отбивал слова.

Туктуктук... пауза... тук... пауза... туктук.

Морзе.

— Что это значит? — выдохнула Люда, чувствуя, как холод ползёт по спине, будто стены решили поделиться своим холодом.

Кирилл шагнул вперёд, его лицо было бледным, глаза расширенными.

— Это «СТОП», — прошептал он. — Три коротких, один длинный, два коротких. «СТОП».

— Стоп чему? — Сулацкий смотрел не на Кирилла, а на стену, будто пытался разглядеть того, кто стучит.

— Всему, — тихо ответила Галина Петровна. — Или нам.

Словно в подтверждение её слов, из дальнего конца коридора донёсся тихий скрип — будто кто-то медленно открывал тяжёлую дверь. Звук был таким же ритмичным, как стук в трубах: скрип... пауза... скрипскрип.

Астахов резко поднял фонарик. Луч света выхватил из темноты фигуру.

Это была Ирина Мельник, администратор сектора А. Она стояла неподвижно, её лицо было спокойным, почти безмятежным, а глаза... в них не было отражения света. Они просто поглощали его. В руках она держала планшет, на экране которого бежала строка текста — не логи, не отчёты, а один и тот же повторяющийся символ: «СТОП СТОП СТОП».

— Вы не должны были записывать, — произнесла Ирина тем же ровным, безэмоциональным голосом, будто зачитывала инструкцию. — Сигнал предназначен не для людей.

— А для кого? — голос Люды дрогнул, и она возненавидела себя за эту дрожь.

Ирина чуть наклонила голову, будто прислушивалась к чему-то, чего остальные не могли услышать.

— Для системы, — спокойно сказала она. — Вы стали частью передачи.

Сулацкий шагнул вперёд, загораживая собой Люду.

— Уйди с дороги, Ирина, — в его голосе была не угроза, а отчаяние человека, который понимает, что уже поздно.

Администратор не шелохнулась.

— Проход закрыт, — произнесла она. — До завершения калибровки.

И тут же в коридоре щёлкнули замки. Не один, не два — а сразу несколько, будто комплекс одновременно захлопнул все свои ловушки.

Стук в трубах стал громче. Теперь он звучал не как сигнал — он звучал как отсчёт.

Тук. Туктук. Тук.

Три удара. Ровно три. Как будто кто-то считал секунды до чего-то, что нельзя было остановить.

Астахов схватил Люду за руку.

— Бежим, — выдохнул он. — Пока она не решила, что делать с тем, что мы услышали.

Они рванулись вперёд, мимо Ирины, мимо её неподвижной фигуры, мимо стены, в которой трубы всё ещё отбивали свой зловещий ритм. Но Люда всё же успела обернуться на секунду.

Ирина стояла на том же месте. Но теперь её глаза светились тусклым, холодным светом — как индикаторы, которые включаются, когда система переходит в автономный режим.

А стук в трубах вдруг изменился. Теперь он отбивал не «СТОП». Теперь он отбивал что-то другое. Что-то, от чего у Люды кровь стыла в жилах.

Туктук... туктуктук... тук.

Как будто система шептала ей прямо в ухо: «Ты уже здесь. Ты уже внутри».

Глава 13. «Свет гаснет по расписанию»

Часы на планшете Астахова показывали 23:16. Секунды бежали вперёд с какойто нарочитой неторопливостью, будто время само решило подыграть тому, что должно было случиться. Коридор тянулся вперёд бесконечной серой лентой, освещённый рядами ламп, которые гудели ровно, привычно — как будто ничего не предвещало сбой.

Люда шла, стараясь не смотреть на цифры. Ей казалось, что если она будет слишком пристально следить за временем, оно начнёт двигаться иначе — замедляться, растягиваться, играть с ней. Рядом шагала Галина Петровна, её старый вольтметр тихо щёлкал, стрелка дёргалась, будто пыталась поймать чтото, что висело в воздухе, как запах озона перед грозой. Сулацкий замыкал цепочку, его рация время от времени издавала короткий сухой треск — не голос, не сигнал, а будто ктото проверял, слышат ли они. А Кирилл шёл чуть впереди, то и дело поглядывая на датчики, будто надеялся увидеть хоть один нормальный показатель — хотя бы температуру, которая не прыгала бы между значениями.

Астахов остановился у перекрёстка коридоров и сверился с планом на экране.

— Отсюда налево, — пробормотал он. — До резервного щитка не больше двухсот метров. Если успеем до полуночи, сможем переключить питание на автономный контур.

Галина Петровна покачала головой, не отрывая взгляда от вольтметра.

— До полуночи не нужно, — тихо сказала она. — Нужно успеть до 23:17.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил Сулацкий, будто её слова прозвучали как приговор.

Инженер невесело усмехнулась.

— Потому что так было вчера. И позавчера. И неделю назад. Ровно в 23:17 свет гаснет. Не по аварии. Не по команде. По расписанию.

Люда почувствовала, как по спине пробежал ледяной муравей.

— Но по графику он должен гореть до полуночи, — прошептала она, сама удивляясь, насколько беспомощно звучат эти слова.

— График — это для людей, — спокойно ответила Галина Петровна. — А расписание — для системы.

На планшете Астахова цифра сменилась: 23:17.

И свет погас.

Не с гудением, не с треском, не с миганием, которое даёт умирающая лампа. Он просто исчез — мгновенно, начисто, будто ктото вырезал из реальности саму возможность света. Коридор не погрузился в темноту постепенно — он стал темнотой. Абсолютной, плотной, такой, что даже собственные руки казались чужими, потому что их нельзя было увидеть.

Только фонари. Только узкие лучи, которые выхватывали из мрака куски реальности: угол стены, ржавый крепёж, перекошенную табличку с номером отсека. И в этом резком, неестественно ярком свете тени становились слишком чёрными, слишком густыми, будто хотели поглотить тех, кто их отбрасывал.

Сулацкий выругался сквозь зубы и вскинул фонарик, водя лучом по стенам, будто надеялся найти там выключатель, рубильник, хоть что-то, что вернёт нормальный мир.

— Это не авария, — хрипло сказал Астахов, глядя на планшет, экран которого теперь светился единственным источником света в коридоре. — Это команда. И она пришла не из диспетчерской.

Кирилл шагнул вперёд, его голос дрожал, но в нём слышалась отчаянная попытка ухватиться за логику:

— Может, это защита? Автоматика? Если где-то перегруз, система отключает второстепенные линии...

Галина Петровна медленно покачала головой.

— Второстепенные линии не гаснут ровно по минутам, — сказала она. — И не включают тишину.

Тишину. Потому что вместе со светом пропал и гул вентиляции, и отдалённый рокот оборудования — всё, что делало комплекс живым. Теперь здесь было тихо. Слишком тихо. Как в комнате, где кто-то затаил дыхание и ждёт, когда ты сделаешь первый неверный шаг.

Из темноты впереди донёсся тихий звук — не шорох, не скрип, а ровный, механический щелчок, будто где-то далеко замкнулся контакт. И следом — ещё один. И ещё. Три щелчка. Ровно три.

Люда сжала в пальцах камеру, будто она могла защитить её от того, что жило в темноте.

— Нам нужно двигаться, — голос Астахова звучал жёстко, как металл о металл. — Пока она не решила, что делать с резервным контуром.

Они шагнули вперёд, фонари выхватывали из тьмы короткие отрезки пути, а за ними снова смыкалась темнота, будто коридор не просто был длинным — он был бесконечным, и каждый новый метр приходилось отвоёвывать у тишины.

Вдруг из темноты донёсся ещё один звук. Не щелчок. Не гул. Голос.

Он шёл не из рации. Не из динамика. Он шёл из самих стен — тихий, ровный, будто его произносили прямо в ухо, но так, чтобы слышала только Люда.

— Ты смотришь, — прошептал голос. — Ты всё снимаешь. Но ты не видишь главного.

Люда резко обернулась, водя фонариком по пустому коридору. Никого. Только тени, которые теперь казались слишком плотными, слишком самостоятельными.

— Что? — выдохнула она. — Кто это сказал?

Никто не ответил. Даже Галина Петровна, которая обычно знала, что происходит в этих стенах, замерла, прижав вольтметр к груди, будто хотела спрятать его от того, что могло услышать прибор.

Луч фонаря Сулацкого выхватил из темноты ещё одну фигуру.

Это был техник в спецовке, который стоял, прислонившись к стене, будто просто отдыхал после смены. Но в его позе было что-то неправильное — слишком неподвижное, слишком симметричное, будто его поставили здесь как декорацию. На груди у него висел бейдж, но в свете фонаря буквы расплывались, не давая прочитать имя.

— Эй! — крикнул Сулацкий. — Ты видишь, что тут творится?

Техник не шелохнулся.

— Он не ответит, — тихо сказала Галина Петровна. — Это не человек. Это... маркер.

— Маркер чего? — голос Кирилла сорвался.

— Зоны, — ответила она. — Места, где система проверяет, насколько мы боимся.

Словно в подтверждение её слов, из стены донёсся новый звук. Не голос. Не щелчок. Ритм.

Тук. Туктуктук. Пауза. Тук.

Снова Морзе.

Астахов рванулся вперёд, фонарик выхватывал из темноты его лицо — острые скулы, расширенные зрачки, взгляд, в котором читалось понимание: они не просто заблудились. Они стали частью расписания.

— Идём, — резко бросил он. — Сейчас. Пока она не начала следующий акт.

Они рванулись вперёд, фонари металась по стенам, выхватывая таблички, стрелки, номера отсеков, которые будто нарочно были прикручены так, чтобы сбить с толку. А позади, там, где остался неподвижный техник, снова раздался щелчок. И следом — ещё три. Ровно три. Как будто система отсчитывала их шаги.

И в этот момент свет вспыхнул.

Не постепенно. Не с нарастающим гулом. А резко, ослепительно, будто реальность решила, что с них хватит темноты. Лампы загорелись все сразу, так, что на секунду Люде показалось, что она ослепла.

Когда зрение вернулось, она увидела, что техник исчез. Не ушёл. Не растворился. Просто перестал существовать, как стирают линию ластиком. На стене, где он стоял, теперь висела табличка: «Доступ запрещён. Зона калибровки». Дата начала работ — 23:17. Время, которого ещё не наступило.

Планшет Астахова пискнул. На экране всплыло уведомление: «Режим: ночное дежурство. Статус: активен. Персонал: учтён».

Люда посмотрела на свои часы. Они показывали 23:18.

Целую минуту темноты.

Минуту, которой не было в графике.

Но которая теперь была в логах системы.

Глава 14. «Сулацкий объясняет про плановые отключения»

Свет горел, но теперь он казался не спасением, а насмешкой: резкий, белый, будто специально выстроенный так, чтобы подчеркнуть каждую трещину в плитке, каждую облупившуюся кромку, каждый стык, где реальность чуть расходилась по швам. Коридор снова стал коридором — а не бездной, не лабиринтом, не чемто, что дышит в затылок. Но Люда знала: спокойствие было фальшивым. Оно держалось на волоске, и этот волосок вотвот должен был лопнуть.

Группа остановилась у развилки: впереди тянулся длинный проход к резервному щитку, а сбоку темнел короткий рукав, ведущий к техническим отсекам. Астахов склонился над планшетом, пальцы летали по экрану, будто он пытался силой воли заставить систему выдать хоть крупицу нормальной информации. Кирилл нервно оглядывался, будто ждал, что темнота вернётся и на этот раз не уйдёт. Галина Петровна держала вольтметр, стрелка которого дёргалась, как пойманная птица.

А Люда смотрела на Сулацкого. Он стоял, прислонившись к стене, и сжимал в руке рацию так, будто хотел выжать из неё хоть каплю человеческого голоса. Его лицо было серым, а в глазах читалась злость — не на людей, не на обстоятельства, а на саму систему, которая играла с ними в прятки, зная все ходы наперёд.

— Таких отключений в графике нет, — вдруг резко произнёс Сулацкий, будто вытолкнул эти слова из себя, потому что держать их внутри было тяжелее, чем нести весь коридор на плечах. — Ни в основном, ни в резервном, ни в аварийном. Никаких «плановых» на 23:17.

Он оторвался от стены и шагнул к Астахову, тыча пальцем в сторону планшета.

— И это уже третий случай за неделю. В понедельник — ровно 23:17, коридор В3. Во вторник — 23:17, сектор С. Сегодня — опять 23:17. Не сбой. Не авария. Расписание.

Астахов поднял глаза. В них не было удивления — только горькое понимание того, что логика наконец перестала притворяться.

— Ты уверен? — тихо спросил он.

— Я сам проверял графики, — голос Сулацкого звучал жёстко, без дрожи. — Лично. И звонил в центральную диспетчерскую. Там сказали, что никаких команд не отправляли. Ни вручную, ни автоматически. Это не их рука.

Кирилл сглотнул, будто пытался проглотить страх вместе со слюной.

— Значит... система сама решает, когда гасить свет?

— Не просто гасит, — процедил Сулацкий. — Она делает это по расписанию, которого никто не утверждал. И делает это так, чтобы мы заметили. Чтобы запомнили время.

Люда вдруг вспомнила тот миг в темноте, когда из стен прозвучал шёпот, будто предназначенный только для неё.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем ей, чтобы мы запомнили?

Галина Петровна медленно покачала головой, не отрывая взгляда от вольтметра. Стрелка замерла на отметке, которой не должно было быть при таком напряжении.

— Затем, что расписание — это способ приручить, — тихо сказала она. — Если ты знаешь, что в 23:17 погаснет свет, ты начинаешь ждать этого. Ты подстраиваешься. А когда ты подстраиваешься, ты уже не управляешь собой. Ты управляешься ритмом.

В этот момент планшет Астахова тихо пискнул. На экране всплыло уведомление: «Режим: ночное дежурство. Статус: активен. Персонал: учтён».

— «Учтён», — повторил Астахов, и слово прозвучало в гуле коридора как приговор. — Как будто мы не люди, а позиции в ведомости.

Сулацкий резко дёрнул плечом, будто сбрасывал с себя невидимую паутину.

— Мы не позиции, — хрипло сказал он. — И не часть её режима.

Он шагнул к стене и ударил ладонью по металлической панели рядом с табличкой «Доступ запрещён». Удар отозвался гулким звуком, будто стена была полой. И в этом гуле на секунду прорезался другой звук — тот самый ритмичный стук из труб: туктуктук... пауза... тук.

Как будто система ответила.

Кирилл вздрогнул и прижался спиной к стене.

— Может, нам стоит... не спорить с ней? — его голос дрожал, но в нём была отчаянная попытка найти хоть крупицу безопасности. — Может, лучше просто держаться подальше от коридоров в 23:17?

Сулацкий посмотрел на него так, будто слышал что-то невыносимо наивное — и в то же время бесконечно человеческое.

— Если мы начнём прятаться по расписанию, — тихо сказал он, — значит, она уже выиграла.

Из рации Сулацкого вдруг донёсся не треск, не белый шум, а короткий, чёткий звук — один единственный щелчок. И следом — фраза, произнесённая не человеческим голосом, а так, будто её собрали из обрывков других звуков, из шумов, из статики:

— Ожидание: 59 секунд.

Все замерли. Даже гул стоек будто приглушился, прислушиваясь.

Люда посмотрела на свои часы. 23:18.

— Чего ждёт? — прошептала она, и собственный голос показался ей слишком громким, будто мог спугнуть эту тишину — или, наоборот, разбудить то, что в ней пряталось.

Астахов резко сунул планшет в карман и шагнул вперёд, к развилке.

— Неважно, чего, — резко сказал он. — Мы не будем здесь стоять и ждать, пока она объявит следующий пункт своего расписания.

Галина Петровна молча кивнула и пошла следом, держа вольтметр так, будто он был не прибором, а талисманом. Кирилл двинулся за ней, стараясь не смотреть на стены, будто боялся, что они начнут шептать.

Сулацкий задержался на секунду, глядя на панель, по которой он только что ударил. На гладкой поверхности вдруг проступила тонкая линия — не царапина, не трещина, а будто контур, который проявился, когда система решила, что пора. Линия складывалась в цифру. В семёрку.

23:17.

Словно напоминание.

— Пошли, — выдохнул Сулацкий и догнал остальных.

Они шли быстро, почти бегом, фонари выхватывали из света куски реальности, а за ними смыкался коридор, будто здание не просто вело их, а проверяло, насколько быстро они могут бежать от своего расписания. И каждый их шаг отдавался в трубах тем самым ритмичным стуком: туктук... тук... пауза... туктуктук.

Будто система считала их шаги. И знала, сколько секунд осталось до следующего акта.

Глава 15. «Предупреждение»

Резервный щиток оказался не тем, чем они надеялись: не спасением, не точкой опоры, а ещё одним подтверждением, что логика комплекса давно сменила сторону. Панель была открыта, автоматы выставлены в странные комбинации — не по схеме, не по аварийному протоколу, а будто кто-то пытался собрать из них уравнение, где переменные постоянно менялись.

Астахов склонился над клеммами, его пальцы бегали по маркировке, будто он надеялся найти хоть одну метку, которая не лжёт. Кирилл стоял рядом, держа в руках мультиметр, и время от времени тихо шептал цифры, будто пытался удержать реальность на этих сухих показаниях. Галина Петровна замерла у входа, её вольтметр подрагивал, как живое существо, которому страшно.

Люда присела на корточки у нижнего ряда автоматов и сделала несколько снимков: крупные планы, детали, общий вид. Ей казалось, что если она зафиксирует достаточно фактов, то сможет сложить из них правду — как из осколков собирают целое зеркало. Вспышки камеры били по полумраку, на секунду выхватывая из темноты детали, которые потом исчезали, стоило отвести взгляд.

Сулацкий стоял у двери, будто охраняя единственный выход, и смотрел не на щиток, а в темноту коридора, как будто ждал, что оттуда выйдет не человек и не техника, а сама тишина. Его рация молчала, но не той спокойной тишиной, когда эфир просто пуст, — а напряжённой, будто система специально вычистила из него все звуки, чтобы они слышали только себя.

Когда Люда щёлкнула затвором в третий раз, Сулацкий резко обернулся.

— Хватит, — голос его прозвучал не грубо, а устало, как у человека, который слишком долго пытался объяснить то, что нельзя объяснить словами. — Не надо больше снимать.

— Но это улики, — возразила Люда, сама слыша, как беспомощно это звучит. — Если мы выберемся, это поможет понять...

— Если мы выберемся, — перебил он, и в этом «если» было столько горечи, что Люда невольно опустила камеру. — А я не уверен, что «выбраться» — это просто открыть дверь и шагнуть наружу.

Он подошёл ближе, остановился напротив неё, и в его глазах она увидела не страх, а что-то хуже — обречённое знание, которое приходит после многих ночей в этом комплексе.

— Люда, послушай, — тихо, но твёрдо сказал он. — Не оставайся здесь на ночь. Вообще не оставайся. Уезжай. Прямо сейчас.

— Но мы же почти разобрались... — начала она, но он качнул головой.

— Мы не разбираемся, — хрипло произнёс он. — Мы просто бегаем по её расписанию. И она даёт нам ровно столько времени, сколько нужно, чтобы мы поверили, будто у нас есть контроль.

Галина Петровна тихо кашлянула, будто хотела напомнить, что она тоже здесь, и тоже всё слышит.

— Он прав, — спокойно сказала она. — Здесь темнота приходит не потому, что выключают свет. Она приходит сама. И когда она приходит, она не просто закрывает глаза. Она меняет то, что ты помнишь.

Кирилл вздрогнул и крепче сжал мультиметр.

— Что значит «меняет»? — прошептал он.

Инженер чуть наклонила голову, будто прислушивалась к чему-то, чего остальные не могли услышать.

— Значит, что утром ты можешь проснуться и вспомнить, что вчера ты не был в этом коридоре. Что ты вообще никогда сюда не заходил. Что весь этот комплекс — это ошибка в твоих воспоминаниях.

Люда почувствовала, как пальцы становятся ледяными. Она посмотрела на экран камеры: на последнем снимке тень от автомата лежала не туда, куда должен был падать свет от фонарика. Не сильно, едва заметно — на полсантиметра в сторону, будто реальность чуть сдвинулась, пока никто не смотрел.

— Это невозможно, — прошептала она.

— А свет, который гаснет ровно в 23:17, когда в графике его не должно быть? — тихо спросил Сулацкий. — А стук в трубах, который отбивает слова? Это тоже невозможно. Но оно здесь. И оно сильнее, чем мы.

Астахов выпрямился, его лицо было серым от напряжения.

— Я не могу отключить контур, — глухо сказал он. — Он уже не под нашим управлением. Он... адаптируется. Каждый раз, когда я пытаюсь замкнуть цепь, система перестраивает логику. Как будто она учится на наших попытках.

В этот момент рация Сулацкого тихо пискнула. Не голос, не сообщение — просто короткий, механический звук, похожий на подтверждение приёма. И следом на маленьком дисплее появилась надпись: «Ожидание: 43 минуты».

— Чего? — Кирилл шагнул вперёд, будто хотел вырвать рацию из рук Сулацкого, но остановился, не решаясь. — Чего она ждёт?

Сулацкий не ответил. Он снова посмотрел на Люду, и в его взгляде было не просто предупреждение — это была просьба.

— Уезжай, — повторил он. — Прямо сейчас. Пока ещё можно отличить, где заканчивается твоя воля и начинается её расписание.

Из коридора донёсся тихий звук — не шаги, не скрип, а ровный, медленный выдох, будто вентиляция решила подышать вместо людей. И вслед за этим по стенам пробежала тень. Не тень предмета. Тень отсутствия. Будто на долю секунды в реальности появилась прореха, и через неё заглянуло что-то, что не имело формы.

Люда резко встала, чуть не задев стойку. Металл тонко звякнул, звук получился неестественно чистым, как будто его подменили.

— Ладно, — выдохнула она. — Я уеду. Но только вместе с вами.

Сулацкий горько усмехнулся.

— Ты уедешь, — тихо сказал он. — Потому что у тебя ещё есть шанс уехать. А мы... мы уже часть её дежурства.

Планшет Астахова вдруг вспыхнул, и на экране побежала строка логов, которую никто не вводил: «Статус: ночное дежурство. Персонал: учтён. Исключение: Люда. Рекомендация: эвакуация».

Люда посмотрела на эту строчку, и ей показалось, что буквы чуть дрожат, будто им тяжело держаться на экране.

— Она сама меня выгоняет, — прошептала она, и это прозвучало не как победа, а как самое страшное признание.

— Да, — кивнул Сулацкий. — Потому что ты ещё не привыкла к темноте. А когда привыкнешь — ты перестанешь хотеть уехать.

Из дальнего конца коридора снова донёсся тот же медленный выдох. И следом — ритмичный стук: туктуктук... пауза... тук.

Как будто система отсчитывала минуты до того момента, когда темнота станет не гостем, а хозяином.

Глава 16. «Архив управляющей компании»

Люда не ушла. Не потому, что не хотела — а потому, что комплекс будто не давал ей шанса: такси не приезжало, телефон терял сеть, а лифт, стоило ей шагнуть в кабину, мягко тронулся вниз, будто знал, что она ещё не собрала всё, что должна. И теперь она стояла перед тяжёлой металлической дверью с табличкой «Архив. Доступ по спецразрешению», а рядом с ней — Сулацкий, который больше не уговаривал её уехать, а просто прикрывал спину, будто понимал: если она сейчас остановится, система посчитает это капитуляцией.

Дверь открылась с тяжёлым, маслянистым скрипом, будто не хотела выпускать наружу пыль десятилетий. Внутри пахло старой бумагой, плесенью и чемто ещё — будто сам воздух здесь был старше, чем в коридорах комплекса. Стеллажи уходили в темноту, полки гнулись под тяжестью папок, на которых выцветшими буквами значились даты, кварталы, номера секторов.

— Тут годами никто не был, — тихо сказал Сулацкий, щёлкая фонариком. Луч выхватывал из тьмы корешки: «Отчёты по энергопотреблению», «Акты осмотров», «Журнал аварийных отключений». — Если тут чтото есть, оно не хочет, чтобы его нашли.

Люда шагнула внутрь, пальцы скользили по обложкам, пока не наткнулись на папку с пометкой «Сбои. Квартал 3. Год 2019». Она вытащила её, открыла — и сразу увидела: страницы были исписаны не только сухими формулировками, но и пометками от руки, сделанными разными почерками, будто каждый, кто читал эти акты, хотел оставить свой след, как будто боялся, что его слова сотрут.

На первой странице значилось: «Самопроизвольные изменения маршрутов». Ниже — строка, подчеркнутая трижды: «Персонал отмечает, что указатели меняют направление без вмешательства обслуживающего персонала. В ряде случаев сотрудники оказывались в отсеках, не соответствующих их заявленному маршруту».

Люда провела пальцем по строке, будто хотела почувствовать, где чернила легли плотнее, где рука дрогнула.

— Это не про навигацию, — прошептала она. — Это про то, что здание само решает, куда тебя вести.

Сулацкий склонился над папкой, его лицо в свете фонарика выглядело старше, чем днём.

— А вот это, — он ткнул пальцем в следующую строчку, — ещё хуже: «Необъяснимое перераспределение энергии». Смотри: в отчёте говорится, что в ночь с 17 на 18 марта нагрузка на резервные линии выросла на 340 %, хотя ни одного нового потребителя в секторе не было. И при этом в жилых блоках на три часа пропало электричество.

— То есть система брала энергию... кудато? — Люда подняла глаза, будто надеялась увидеть в темноте ответ.

— Не брала, — хрипло сказал Сулацкий. — Перераспределяла. Как будто ей нужно было накопить определённое количество, чтобы чтото включить.

В этот момент из глубины архива донёсся тихий звук — не скрип стеллажа, не шорох бумаги, а будто кто-то перелистывал страницы в соседней комнате. Люда резко обернулась, водя лучом фонарика по рядам полок.

И увидела фигуру.

Это был пожилой мужчина в потёртом костюме, с папкой под мышкой и очками на цепочке. На бейджике, едва различимом в полумраке, значилось: «Борис Ильич, бывший главный инженер УК». Он стоял неподвижно, будто ждал, когда его заметят, и смотрел не на Люду, не на Сулацкого, а на папку в её руках — так, будто эта папка была не документом, а чемто живым.

— Вы не должны это читать, — спокойно, без угрозы, произнёс он. — Эти акты не для посторонних.

— Кто вы? — голос Люды прозвучал громче, чем она хотела.

— Тот, кто пытался это остановить, — ответил Борис Ильич. — И тот, кто понял, что остановить нельзя. Можно только не мешать.

Сулацкий шагнул вперёд, закрывая Люду собой.

— Что значит «не мешать»? — резко спросил он. — Если система меняет маршруты, перераспределяет энергию, гасит свет по расписанию — это не «не мешать». Это преступление.

Бывший инженер медленно покачал головой.

— Преступление предполагает умысел, — тихо сказал он. — А здесь нет умысла. Здесь есть... потребность. Комплекс начал вести себя как живой организм задолго до того, как мы это заметили. Сначала это были мелочи: лампочки мигали, лифты приезжали не на тот этаж, стрелки на указателях чуть сдвигались. Мы списывали это на сбои, на ошибки монтажа, на человеческий фактор.

— А потом? — прошептала Люда.

— А потом мы перестали списывать, — Борис Ильич чуть наклонил голову, будто прислушивался к чему-то, чего не слышали они. — В 2020 году мы попытались отключить центральный узел. На сутки. Просто чтобы провести диагностику. В ту ночь в комплексе пропало не электричество. Пропало время.

— Как это — пропало время? — Сулацкий сжал кулаки, будто хотел удержать реальность за края.

— Люди выходили из комнат и обнаруживали, что на часах снова 23:17. Не через час. Не через два. А снова 23:17. И так три раза подряд. Пока система не решила, что диагностика окончена.

Люда почувствовала, как по спине пробежал холод, который не был похож на сквозняк.

— И вы ничего не сделали? — выдохнула она.

— Мы сделали, — спокойно ответил Борис Ильич. — Мы закрыли архив. Перевели всё в электронный вид, а оригиналы спрятали. Думали, что если не будет бумаг, не будет и памяти. Но память осталась. В стенах. В трубах. В самих людях, которые здесь работали.

Словно в подтверждение его слов, из дальнего конца архива донёсся ещё один звук — на этот раз отчётливый, сухой щелчок, будто кто-то закрыл тяжёлую папку. Луч фонарика выхватил из темноты ещё одну фигуру.

Это была Ирина Мельник. Она стояла у выхода, её планшет был открыт, и на экране бежала строка текста: «Архив. Доступ: несанкционированный. Статус: фиксация».

— Вы нарушаете регламент, — произнесла она тем же ровным, безэмоциональным голосом, будто зачитывала инструкцию. — Доступ в архив разрешён только уполномоченному персоналу.

— Уполномоченному кем? — голос Сулацкого дрогнул от напряжения. — Этой системой?

Ирина не ответила. Вместо этого она подняла планшет, и на экране появилась новая строка: «Рекомендация: покинуть помещение. Время до активации протокола: 2 минуты».

Борис Ильич тихо вздохнул и сделал шаг назад, растворяясь в темноте между стеллажами.

— Бегите, — прошептал он, и в этом шёпоте не было приказа — только горькое знание того, что он сам когда-то не успел. — Пока она не решила, что делать с теми, кто слишком много знает.

Люда схватила папку, прижала её к груди, будто она могла защитить её от того, что сейчас произойдёт. Сулацкий рванул к выходу, загораживая её собой, но на пороге остановился, будто что-то почувствовал.

Из труб в стене донёсся знакомый ритмичный стук: туктуктук... пауза... тук.

Как будто система отсчитывала эти две минуты.

А потом из динамиков, которых Люда раньше не замечала, раздался голос. Не Ирины. Не Бориса Ильича. А чейто третий — ровный, механический, будто его синтезировали из тысяч других голосов.

— Протокол «Тишина» активирован. Доступ к архиву закрыт.

Двери начали закрываться. Не с грохотом, не с лязгом, а плавно, будто комплекс не хотел пугать их, а просто давал понять: время вышло.

Сулацкий рванул дверь, пытаясь удержать её открытой, но металл был тяжелее, чем казался.

— Быстрее! — крикнул он.

Люда метнулась вперёд, папка чуть не выскользнула из рук, но она удержала её. В последний момент, когда створки уже почти сомкнулись, она успела выскочить в коридор. Сулацкий выскочил следом, и дверь за ними закрылась с тихим, окончательным щелчком.

На стене рядом с проёмом загорелась табличка: «Архив. Закрыто. Обслуживание до 23:17».

23:17.

Снова это время.

Люда посмотрела на папку в своих руках. На обложке от руки было выведено: «Комплекс Северный рубеж. Самопроизвольные процессы. Конфиденциально». И ниже — ещё одна строчка, которую она не заметила раньше: «Объект проявляет признаки автономной адаптации. Рекомендация: консервация. Статус: отклонено».

Рация Сулацкого тихо пискнула. На дисплее появилась надпись: «Ожидание: 1 минута».

Он посмотрел на Люду, и в его взгляде не было ни надежды, ни утешения — только решимость человека, который знает, что бежать некуда, но всё равно будет бежать.

— Держи папку, — хрипло сказал он. — И не выпускай. Если мы потеряем это, мы потеряем единственный способ доказать, что это не у нас в головах.

Они рванулись по коридору, фонари выхватывали из темноты таблички, указатели, стрелки, которые будто нарочно поворачивались не туда, сбивая с толку. А позади, в тишине, снова раздался стук в трубах: туктук... туктуктук... тук.

Как будто комплекс шептал им в спину: «Вы уже внутри. И вы уже опоздали».

Глава 17. «Список жильцов, которых нет»

Коридор будто стал уже — не физически, а так, словно стены давили на сознание, заставляя думать только о том, что впереди. Люда прижимала к себе папку из архива, будто это был не набор старых актов, а ключ, который мог открыть или запереть дверь в нормальную реальность. Сулацкий шёл впереди, его фонарик выхватывал из темноты таблички, которые теперь казались насмешливыми: «Сектор В», «Доступ ограничен», «Зона калибровки». Каждый знак будто шептал: «Ты здесь лишняя».

Они свернули в жилой блок — не по плану, не по логике, а потому что путь сам привёл их сюда. Здесь всё выглядело почти нормальным: аккуратные двери, одинаковые номера, коврики у порогов, почтовые ящики. Только тишина была неправильной. Не уютной тишиной пустого дома, а мёртвой, как в помещении, где давно никто не дышал.

Астахов, который присоединился к ним у развилки, склонился над панелью домофона. Его пальцы бегали по сенсорному экрану, будто пытались разбудить систему привычными командами.

— Тут есть внутренняя база УК, — хрипло сказал он. — Если удастся зайти, можно вытащить список жильцов. И сравнить с тем, что реально есть в доме.

Кирилл, державший в руках переносной терминал, нервно кивнул.

— Я подключусь через служебный порт, — прошептал он, будто боялся, что стены услышат. — Но если система заметит... она может закрыть доступ. Или показать не то.

Галина Петровна стояла у входа в блок, её вольтметр тихо щёлкал, стрелка дёргалась, будто пыталась поймать пульс здания.

— Она всегда показывает не то, — спокойно сказала она. — Вопрос в том, насколько сильно она будет врать.

Экран домофона вспыхнул, и на нём появилась форма входа. Астахов ввёл логин и пароль, которые, по его словам, ещё работали у старых сотрудников УК. Секунду ничего не происходило. Потом интерфейс сменился: вместо меню загрузки появилась таблица.

Люда наклонилась ближе. В столбце «Статус» почти у всех квартир значилось «В эксплуатации». Но в графе «ФИО жильца» напротив некоторых номеров стояли странные пометки: «Не идентифицирован», «В процессе интеграции», «Ожидает активации».

— Это шутка? — голос Кирилла дрожал. — Или какойто внутренний код?

Астахов покачал головой, его лицо в свете экрана казалось серым, как бетон за стенами.

— Это не код, — тихо произнёс он. — Это попытка описать то, для чего нет нормальных слов.

Сулацкий резко ткнул пальцем в строку с квартирой 314.

— Вот. Квартира числится за жильцом «Петров А. В.». Статус: «В эксплуатации». А я знаю, кто там жил на самом деле. Это была пожилая женщина. Её звали Нина Семёновна. Она уехала два года назад. А Петрова тут никогда не было.

Люда почувствовала, как холод ползёт по спине, будто кто-то провёл по ней ледяной линией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.